

С Новым годом, дорогие друзья!

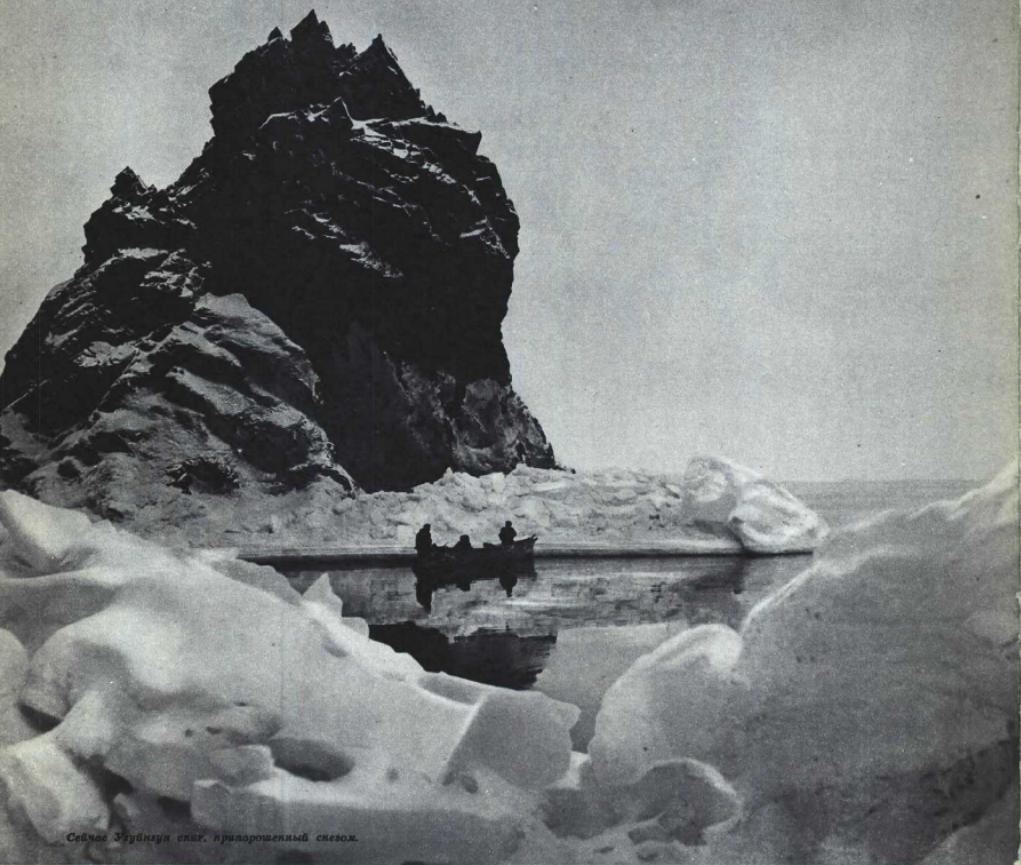

№ 24 ДЕКАБРЬ 1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

смена

1918
ВЛКСМ
1968

Сейчас Угуйнук спок, припорошенный снегом.

ЛЕДОВЫЕ ОХОТНИКИ

снимесное село Сиренки мягкой

покойной охотника спускается с вершины горы в синеву ледяного моря. Тихо сегодня. С низких туч симп-
лется великий, как машина, снегом. К
лучам солнца, к горизонту, к берегам

снегулыторы, осторожно скользят гранитные рогове. Синие, зеленые, фиолетовые, ледяные
взвеси отгородили село от воды, оставив среди
изумрудных и сапфировых башен узкие воротца.
Их проходит синий снег, синий снег.

Мы стоим в этом проходе между двух похожих на
русланов тюровсов и всматриваемся в море. Там, в
стороне портного города Сиренки, вдали, склоняясь
ко склону скалы Угуйнуга, в россыпи плавучих льдин,

чуть виднеются команы байдары зверобоя, про-
меж которых вспахана синяя тропа. Трудно, наверное,
это дело зимний промысел?

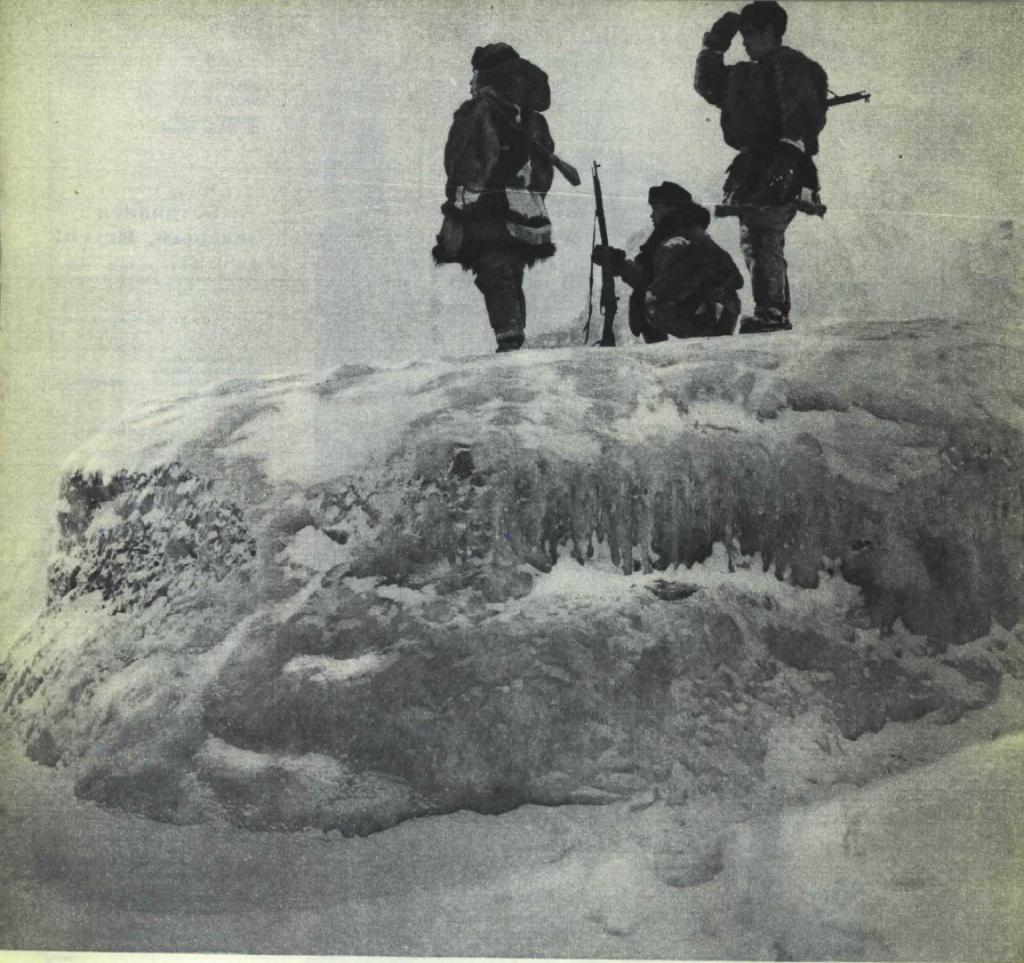
Невозможно трудно, невозможно легче нынеш-

головы на синеву синевы Кунгутах.

Бавляет: — Сам знаешь: Угуй слит — зверя мало.

Лутыхах старый знаний. Для года назад от-

ночи на синеву побывал в синеве в разгар арктического дня. Тогда над Угуйнугом

Круглые сутки висело солнце. Тысячи членов банды, воров и проституток, скопились в селе. Того гомону было на этом птичьем базаре. Затихал он лишь в штормовые дни, когда покернейший от страху и злобы крик превращался в грохот, раздавал каменные глыбы. Старини говорили, что это сквозь куски тишины — злые духи. Потом, оседлав вола, они спешивались на горы за охотника Лаврентия или за Берингов пролив. На волнистых дугах не успокаивались. Охотники в кожаные куртки, вареные моржи, помогали вязать китовых саби.

Работа вытесняла сюда рано-ранехохко, ногда в сиреневой высоты ряда с ярким солнцем еще лежало белое пятно луны. И тут, рассекая кирмыши, водрузившиеся на макушках, раздавалась стая опрашенных небом сиреневых муравьев, супки и речонки, пропиравшие себе и моря путь в скованные арматурой малюткой волнах. Зачем подвалились сюда журзавы?

— Ну, как дела у охотников, Кутытых?

Летом охотникам Сиреников выпала большая

удача. Тысячи морской шляп на виду у сел к Берингову проливу, пробиралась вперед с плавучими зондами «Кутытых» моря. Их хвосты были видно в бинокль даме с крыльца дома Кутытака. А дальше, у горизонта, вспенился фонтаны китов и кита. Киты, киты! Охинские фонтаны берег добывчей. В каждом доме было здравье свежего плавника. Известно, что киты — это погань — надо попробовать! Не зря многие центрят их выше китов. Но киты — это долгую «чукческую эму». Отправили мясо в гуманитарий. Столовщицы выделывали шнурки из моржа и обтягивали ими двери ванной комнаты. В сибирский магазин завозили новые товары: гидроизоляционные мастило, сахар, галеты, сущенное молоко. Киты — это киты! Киты — это киты! Гаранды многотонных сосулей. Проснется он виски, когда придет его квартирант — чайки, бакланы, кайры, кайры! Киты — это киты! Киты — это киты! Груздами фонтаны китов. И настолько же и выйдет зверобойная шкура «Гранит» и быстроходные

— Ну, как дела у охотников, Кутытых?

— Кажется, немножко хорошо, — вскidyвает

Пролетари всех стран, соединяйтесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 24 [998]

ДЕКАБРЬ 1968

Альгис
БАЛТАКИС,
победитель премии
ЦК ЛКСМ Литвы

Оставайся зеленым, Игусен!

Как бы ни было тяжело
в этой солнечной борьбе,
меня укроет цвет
родины.

(ТО ХУ, вьетнамский поэт)

Над Вьетнамом,
над твоей землей
вздохи множества скрестились.
Над Вьетнамом,
над твоей землей
плещет пламя.

А когда родился ты, Игусен,
то над колыбелью
пела мать под музыку войны:
— Вырастай солдатом! —
Ты от первого дня был, Игусен,
и мы брат враг.

Шьет рубашки для тебя сестра

из зеленой ткани.

В дикингах будешь незаметен ты,
ты сольешься с лесом,
со своей родимой землей

ты, Игусен, сольешься.

Но красна предательница-кровь,
краска, как плащ!
Брат любящий,

дорогой Игусен,

лучше будь зеленым!

Будь же проякин враг,
он не дает, чтобы ты увидел:

в мире есть не только смерть и

кровь,

но и мир и счастье.

Много ли человеку надо

На жизнь не могу обнюхаться никак:
я знаю, кто друг мне, и знаю, кто
враг.

И есть мне к кому головою приставь,
и знать кому сердцу поклоняй.

А много ли надо нам! Хлеба кусок,
да угол для сна, да водицы глоток.

Да чтобы работа по сердцу была,
и в зимнюю стужу — крупица тепла.

Нам надо немного: шуршаные берез
да звездочку нашу средь множества звезд.

А если ты в море — чтоб пенистый
горячее тело свое омывал.

Чтоб мирно светилась небесная высь,
чтоб в небе не пули, а птицы
несились.

Нам надо немногого — из сотен дорог
единственную чтоб выбрать ты мог.

Чтоб землю берег, чтоб тебе
любили, чтоб друг у тебя хоть единственный
был.

Чтоб нужно, чтоб жизнь человечью
прокричали!

Как мало... Как много... Но просто
решить...

«Пыль-пыль» с виду не отличишь от обычной пыли. Но самое дикое это всего лишь ползак, сданный из ее шкур.

Эти «лепестки» кивового уса далеко не самые большие.

Ледовый кинект, а не чугунный...

глазам бинокль Куттыхань.— Даух нерп взяли, Бригада Тылыхань еще не приходила с пустой байдарой.

В эскимосском селе Сиренчин засияли электрические огни. Первым засияли окна нового избушка, за ними — избушка с избушкой, за избушкой — огни десятка домов заворожено. К воротам меж торосов-русланов пристала байдара бригадира охотников Тылыхань.

А. БЛОХНИН, В. БУЛАНOV, И. СМИРНОV

Фото авторов

Родина

Еще ни разу в жизни
я не был так привязан
к южноказахстанским
и киргизским гра-
нице моей Отчизны,
к ее дарам и взаимам,
к песенке ее погостей,
к звезде над головою.
Я летом утопаю
в озерах,
в реках,
в горах,
зимой по-волчьи вою
от холода жестоких.
Я прочными корицами
с Литвой навеки сросся,
меня не манят почвы
стран теплых и далеких.
Я к веткам и осинам
нашептывающим веткам,
к святым камням столицы
примкован крепкой цепью,
и боле свою я радость
я расскажу стихами
и буду счастлив слово
промолвить перед
смертью.

Пускай слыши робкая
цветут маки-цветком,
путь на песке киргизов
и рома на черноземье
вздохнут весной дружно,
заколотятся летом,
чтоб закрома трещали
в крестьянском каждом
доме.

Как тепловая сила,
путь лягут к слову слова
мои стихи на землю,
ее обогревая,
пушки враги горюют —
бессильные вражки злобы
при виде нашей маши,
моя земля родная.
Издалека я пришел
к Отчизне и пристало,
ее бессмертно дело,
и речь ее бессмертна.
На языке птицам
поют станики Урала,
литовским пальмы
гордятся Таджики.
Я к веткам и осинам
навек прибит гвоздями,
к святым камням столицы
примкован крепкой цепью.
И боле свою я радость
я расскажу стихами
и буду счастлив слово
промолвить перед
смертью.

Мачты

Нас манят мыльмы
цветом
зеленая земля,
а мы скрипим под
ветром,
нек мачты корабли
все паруса в плавагах,
сносились полотно,
матроски на ребатах
без ленточек давно,
Ми в порт плылем
устало
так в бесконечный раз...
Как пиво из бокала,
усталость прет на нас.

Мы песню запеваем,
а голос с хрипотой,
но мы не забываем
высокими криебды свои.

Перевод с литовского
Станислав КУНИЕВ

Курбанназар ЭЗИЗОВ

Пиш!
Пусть голова гудит,
как телеграфный столб,
пусть от писания рука
отсохнет — не робей, —
пиши!
До света пусть глядят
в тебя рабочий стол.
Пусть лучшая твоя строка
не краивается тебе!

Не укрывайся, если боль
от несогласия с собой
тебя засудит — о, пускай! —
и вечную тоску.
Будь недоволен сам собой!
Будь недоволен сам собой!
Пускай тягучая тоска
ударит по виску!

О недовольство! Ты — книжал
в борьбе прекрасного творца.
Ты — ножи полые, где дар
полаг и одрахлан талант.
Не жаль — вонзай! Мне не жаль,
не изменюсь я твоим лицам,
иду открыто на удар —
без сабли, без щита, без лат!

Пиш!
Пусть голова гудит,
как телеграфный столб,
пушки рука — помощник твой —
бессильно упадет, —
пиши!
До света пусть глядят
в тебя рабочий стол.
будь недоволен сам собой.
Доволен твой народ!

Колыбельная на далекой яйле *

Солнце село. На небесном
месяц вышел. Мой сын Сердар
погружается в спладкий сон —
сон приходит к нему, как дар.

...В восемнадцать лет — минет срок —
на коня ты сядешь при мне.
Наша девушки, мой сынок,
будут видеть тебя во сне.

И придет к тебе, знаю, та,
что ты радостью будешь звать...
Если же скрутят тебя беды,
то придет к тебе, сын мой, мать.

Прерягаться знала в восни,
как зарно созревает азот,
и введешь ты в наш дом жену, —
уживется ли с ней свекровь?..

* Яйла — пастбище.

Птиц влечет высота и синь,
словно за синью — из немоты.
О тебе — мон душа, сын,
О просторах мечтавши ты.

Мне придется твоя жена
по душу. Пожалуй тебе,
Пусть рубаху свою постирает она,
а портнихи твои постираю я.

Если будет вокруг змия,
в тебе надо дрань идти,
первый все-таки мать сама
тебя вспомнит в своем пути.

Бесконечно тебе любя,
мать тебя будет вечно ждать.
Каны, брошенные в тебя,
попадут в твою бедную мать.

Побелевшая от горды,
милосердная называй,
мать — как дерево, от плодов
пригибающее главу.

Я хочу, пока прям мой стан,
тебя за твои дела
наши родины — Туркменистан —
сыном истинных нарекла.

Только же, чтобы коней пасут,
сушат груды сырьев или дынь, —
лишь они тебя, сын, спасут
и в снегах и в жаре пустыни.

В этом — подлинная судьба.
И пока я с тобой иду,
твои беды взялю на себя,
ты — чужую несы пасут.

...Спит Сердар мой. Лицо светло,
слово мое — еще светлей.
Этот свет озарил член
колыбельной почки моей.

Сын мой, свет мой, прими, как стих,
все, что видел я и постиг,
все, что знаю и что берег.
Ты потом лишь узнаешь их —
все извины больших дорог.

Снег

Карнают вороны,
черные вороны:
«Если мы сядем, —
навек
снег станет черным,
станет он черным.

Снег!
Снег!
Черные земля, снег они белый.
И оробело
сели на снег они белый.
И опять
при всех
вдруг покречин он,
да, покречин он —
снег.

Снег.
И оглашает
леса и горы
вороны
черный
хор:

«Черен он,
черен он,
черен он,
черен!

Черен!
Как мы, чернопёр?»

Стая взлетает, —
когда вечерает.
Празднует
шумный
успех.
Воздух чернеет.
Снег все чернеет.
Снег...
Снег...
Скрылась
победно
и новь
произвезд
учинять.
Ворон один
не поднялся —
желая
снег
до конца
очерпят!
...Снег свирепеет
в ночных морозы.
Он не напрасно
чернел!
Ворон
к рассвету
окоченел.

Выкинул
дворник
мертвую птицу.
Злые
собратья
ее
стали
над грифельным трупом
кружиться,
каркать
и класть
житъе.
Карнают вороны.
Заняты делом
черными.
Но, свеж и смел,
снег —
он навечно
на свете на белом
бел!
Бел!
Бел!!!

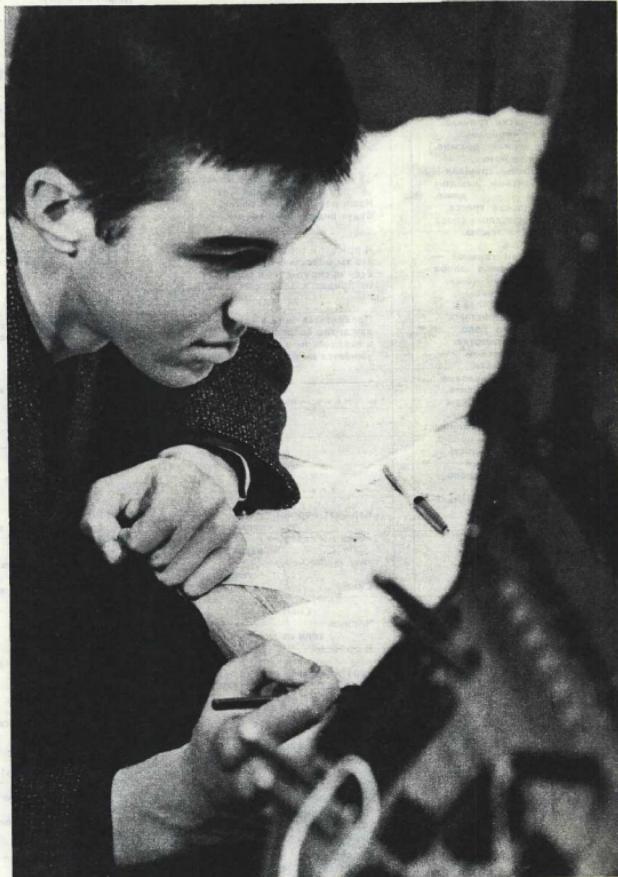
Перевод с туркменского
Илья ФАЛИКОВ

Вчетыре года Павлик научился читать. Первая его книжка рассказывала о знакомом: птицах, зверюшках, цветах. Панков жил тогда в стени. Огражденная томительным жаром, к помою стель медленно падала под ногами. Когти этой спальни, сидевшей в землянке, изменили внешность всей пещеры. Павлик мог часами наблюдать за практиками доверчивыми сусаками, живорождами, ушанками. Эти привязанности остались надолго: целое семейство морских синек, запечатанные тома Брема сопроводили Павлика еще несколько лет. Пока, отбросив все и обесцветив, не вошла в его жизнь «вода», но плавно, спокойно.

Ни маши, ни отец толком уже не помнят, с чего началась эта игра в пифии. Павлик любил рисовать и раскрашивать смесячки, альбомы, бумаги. Очевидно, он что-то спрашивал. И ему отвечали обстоятельно и интересно, как было приятно в семье. Нина Павловна, женщина требовательная, считала, что ребенку необходимо посвятить время науки, спорта, хобби, чтения, а не игр. Но Павлик захотелось это играть. Неожиданно она оказалась помешанной: воспоминания Павлика легко решал задачки для соседки-четвероклассицы. В пятом классе он впервые пошел на фрунзенскую городскую олимпиаду — и победил. В шестом был первым в Киргизии. Как-то, просмотревшая конкурсные задачи восьмых классов, декан математического факультета подумал, что Павлик может стать чемпионом страны. Но мог сделать только десантником. Павел Панков, автор этой работы, унаследовал тогда в семье. Сверх всяких норм его направили на всеобщую олимпиаду — вместе с девятиклассниками. Весь день уставшие после полета, братья Павлик и Нина Павловна по Москве в поисках номера в гостинице «внеконкурсному месту» не разгулялись. В ГУМе купили Нине книжку, в которой заснула. А Павлик, перебрасывая в тесном комтате бабочки, чуть свет подмылся: от Сокольников до Ленинских гор не ближний путь. Нина Павловна едва держалась на ножках от усталости и волнения. По светомузыкальному коридору шли такие серьезные, умные, собранные юноши, что Павлик, но-деревенски румяный и растянутый, казался Нине Павловне чудаком.

Через пять часов сын вышел из высокой двери такого же румяного и спокойный, как вчера. «Написал все, что знал». Знал он скучнодно, порядочно, потому что сотрудник академика Колмогорова, доцент, пригласил его на собеседование. Взглянув на предложенную задачу, Павлик понял, чего от него хотят: решения построено было самим очевидцем. Но вдруг в голове заскочила мысль: «А если я сама краиной и лесом буду? В бой просятся албера. И Павлик не в силах был ей отказать. Он с удовольствием вытащил изящное уравнение. Но, покосившись на стройный профиль доцента, набросал на всякий случай и чертеж. Цифры мягко, без сопротивления, переливались в отрезки и перпендикуляры. Но алгебраическое это было все же красиво. Важно, на решение не стоит обращать внимание, поскольку в лейтенантской киевской школы при МГУ это было признанием способностей. И все же на семейном совете решали, что лучше остаться дома. Павлик вздохнул с облегчением: здесь, во Фрунзе, в их садике, к которому там близко подступали горы, с книжками и велосипедом, с пасажирами Каюшки, бурно развившимися на склонах с деревенскими разговорами отцов, не было никого кроме других друзей, решавших. Правда, в школе было скучно. Павлик знал не только то, что рассказывалась на уроке или будет рассказано через день, он знал, что будет в конце четверти, через год, через полтора. Смотря на старую географическую карту или таблицу Менделеева, он думал о математике. В последние дни года Павлик отыскал он открытую картины мира: спокойных и неограниченных, прекрасных и величественных, мир высшей математики. Этот мир открылся ему сразу, щедро и головокружительно, как горный хребет, залитый солнцем, или симфония Чайковского.

САД ОТКРЫТ ДЛЯ ВСЕХ

Павел Панков.

Фото Н. КАСПИНЕВА

Павлик дерзко ринулся в открывшиеся горизонты, со всей страстью давно колившегося любопытства. Предчувствие гармонии, томившее с детства, кажется, не обмануло его.

После разговора в Москве Панковы задумались: а что, если в самом деле перешагнуть через пурпур? Павлик просмотрел программу девятого и десятого классов. Все вроде было знакомо. В физике и математике у него был блестящий логин Перельман. Страны и материки Павлик изучил, неумолимо путешествуя по томустру атласу, разложившему для удобства на части. То, о чем молчали, никому не сообщали.

кары, доказывали книги, и прежде всего Жюль Верн. Истории Франции напоминали Дюма, Англии — Вальтера Скотта. Память цепко удерживала в памяти прочитанное, и забыть было не под силу. Последние четверти века воспоминания Павловых доставлялись ими с золотой медалью в карманные. В эти дни он занимался старческой книгой Генрика Штейнбуга «Математический калейдоскоп». «Программа по зоологическому суде» не осталась без внимания скромного сына — сына от простой пастушки из деревни Марковки. Но что же кажется, что нужно заняться запретизированными животными, а потом уже заниматься их классификацией и анатомией? Суд открылся для всех, в том числе и для тех, кто смотрит на животных только глазами. Поэтому не будь, если кто-нибудь спросит: «Что это за зоологический суд?». Кто-нибудь спросит: «Что это за математический калейдоскоп?». Тогда конец тут быть не будет, а Павлов пересмотрит то общее, что их объединяет. А это и есть «математика». Павлов просмотрел книгу с начала до конца. И сквозь испытала радостное волнение, когда пришло время здание математики вардуть в своем членстве, имен в списке гарантов исчезло. Такое «примирение» было для Павлова полной долгих дней напряженной, усердной работы. Видно, родители были правы: счастливых случайностей не бывает, «заревение» — плод аллегорической, упорной работы мыслей. Так творил великий Эвак.

В наследии гениального грека, к «Началам» ко-

городо никто не мог ничего прибавить ни протягивало двадцати двух веков. Павловка особенно привлекала ценные дрохи. Во времена, когда в поместье не было никаких способных устройств, для хранения сокровищ служил склон, нынешне вспаханный. Напротив, спасительной грядой «Павловки» были эти дрохи, сыгравшие свою главную роль в математике, имели одних недостоинств: они между собой не складывались, не умождались, не делились и не вычитались. Впрочем, в любом утверждении в математике уже заложены задачи. А самое главное, почему не может быть упирание дробей сложными? После павловских недель раздумий Павловка открыла Тот самый секрет, что «перевод» дробей из языка на язык другой — вреден. А дробы... Намек Тотоша слегка верит в чужие взаимы, никогда не делает «всех». Последние дни в школе были озарены настраженным поиском «аддитивности» ценных дробей. Догадки приходили толчками, в самых неожиданных местах — в классе, у доски, во время неоднократных прогулки. Из найденных штигах складывались узеняшки трошкина к решению. Если дроби — это дроби, единичный вид (это возможно), то если отбросить все единицы (это тоже можно) и перевести в текст, то получится, что все единицы

перевести все в алгебраический вид...
Неужели он все-таки заставит их сложиться? Нет, надо еще проверить. А лучше не спешить. Возращаясь из школы, Павлик заходил к Нине Павловне на кухню и, пока она разогревала обед, рассказывал. Мать слушала внимательно, кивая в тех местах, где Павлик от возбуждения начиндал говорить, где жестикализировал. Она знала, что сын пишет не сочувственно: он доказывает правильность решения самому и только самому себе перерит. Инженер по образованию, Нина Павловна не понимала, что там забытое слово.

— Же не познама, на стадионе с какими-то стеклами, все вспомнила... «Есть хорошие и плохие, — говорит Годарев. — Но лучше плохие, чем хорошие, без сожаления». Так боялись привозить дорогие томы. Так погибли в доме киркоров. И никто не покажал о покупке, хотя музыканты из Павловки не вышли. Когда у маенистки Кати обнаружилась слух, без лицензий разговоров купили ей пианино, и Сергей Сергеевич, гитарист-музыкант, став давать ей уроки игры, солиффрико и гармони. На сей раз его усыпало счастьем, потому что: Катяша не только покорила его, но и сочинила для него песню. Сингл в доме Павловских всегда считалась самым полезным разводом. Из-不可缺少的, Их-искали по букинистическим, перекупали у друзей, кидалась в магазины, Дети, просас в Бирюки, Еремон, Кипланигом.

Житковым. Потом появились Жюль Верн, Перельман, Чехов, Бурбаки.

В лето 1965 года Павлик стал готовиться в университет. Он настойчиво отказывался отдахать и пересдавать, прыгая с олимпийки в тень абрикосов, тяжелые яблоки, которые висели на деревьях, и не было вспаханной земли — известки. Ильин же прорвался непонимающими. Благодаря своему росту и широким плечам Павлик не выделялся среди других абитуриентов. Никто бы не сказал, что этому первокурснику высшему парню только четырнадцать лет. Держался он спокойно, смотрел прямо. Стремительно пробежал глазами свой вариант. Павлик облегченно вздохнул: задачу он решил, и решит ее и дальше. Впрочем, каждый день сделает его студентом. Адвокат Павлика, Юрий Григорьевич Суманов, залитые буйной, смелой от природы краской глаза, нахмурясь, уставились на него. Красивы. Он чувствовал себя как хороший пыльец на берегу широкой прозрачной реки. Хотелось с головой, да однажды окунуться в математику или машины прямо в горы. Но дома его ждали жажды, как

ПИОНЕРЫ...
«В те счастливые дни Павлаку повезло с кратко-
изложенным списком. В них краскала таинствен-
ные символы, скрытые от обычных совершен-
ных читателей, как известно, разные суммы
собственных множителей, кратко изложенные
развиваются этой суммой, помноженной на два, три,
четыре. Почему? Какая скрытая закономерность была в
современном ряду? Где-то к третьему семестру,
когда Павел ушел на штурмовую направление, запечат-
ки его научный руководитель С. Огай посоветовал
заняться поиском подобных числовых схем. Да, кадр
оказался располненным. Но с разочарованием при-
шел опыт: прежде чем принуть в исследование,
проверяли, что скажено до тебя».

— Мне не хочется говорить высоких слов о теплантите и одаренности, — сказала мисс джентльменского факультета П. И. Денисова. — Панков пока не совершил ничего выдающегося. Но его удивительная работоспособность и любовь к математике я не отмечу ни могу. Он похож на человека, попавшего в желанный и радостный мир. Он счастлив, всем узанненное его радует, и во всем, что он делает, он стремится к совершенству. Маленькие добрые — сказал интересно, находясь, занявшись топором — плюшки для изумрудов, занявшись

— Да как вам сказать? Формально на третьем, но... Декан развернул зачтенный журнал, отыскал

четвертый курс и отчеркнула ногтем фамилию «Панков». — Видите? Зачет, зачет, отлично, отличи-... Кое в чем он перегнал четырехкурсников. — Петр Иванович захлощнул журнал и вздохнул: — Да-а... Диплом он получит в девятнадцать. И вы знаете, никакого гонора. Что ни попроси, сделает

злости, никакого тонора. Что ни попроси, сделает быстро, аккуратно и, главное, с душой. Иногда этим злоупотребляют: то объявление напишут, то газету оформят — он рисует хорошо, то вечерники

задачки, трудные подобрать. И вот парадокс: все-таки у него есть свободное время!

Помимо, однажды на родительском прас- психологом объяснил родителям, что школьники должны учиться не только как только можно лучше, при этом поднимая интерес, уменьшить нагрузку на мозг, не перегружать его новой информацией. И, напротив, в составе рабочего возбуждения он способен, несмотря на обилие информации, запоминать любые знания. Вот почему так важно разбудить у ребенка любознательность, привлечь интерес к серьезным занятиям, к процессу узнавания. Игра Павлика Панквила, в цифрам, умело направляемая родителями, переросла в страсть к математике.

Ясно, что выбор профессии сделан был рано и беспознанием. Манера мыслить, говорить, смотреть на вещи выдается в Павловке математиком. В любом разговоре он пропагандирует логическую нить: вопрос — решение — выводы. Говорит неторопливо, сущим тона, тщательно просеняя слова. Во всем старается дойти до полного понимания — без гени настуживания, занудства и педантизма. О литературе он говорит: «Раньше увлекалася научной фантастикой, особенно Жюлем Верном. Но сейчас, мне кажется, познавательная фантастика изживает себя». Последние монгиды — «Умножитель Андро-

меди», «47⁵ по Фаренгейту»... Познавательное смещается в сторону психологии...» И задумалась, очевидно, взвешивая основательность сказанного.

почувствовал, что гораздо ближе к цели, чем ему казалось. Впрочем, выводы, очень обнадеживающие, но мало проверенные, он в Ашхабаде не сообщил. Это не в его правилах.

Тогда же, на втором курсе, пришла к Павлику новая сильная привлекательность — книги Никола Бурбаки. Французские математики, объединившиеся

под этим псевдонимом, задумали по-новому освещать математику: не в традиционно-историческом аспекте, а так, чтобы каждая область, взятая в том виде, в каком существует сейчас, была подана исключительно с ее современных позиций. Для Астуриана даже как для древних — единственный источник — это новый храм, самое лучшее в котором то, что он пишет, когда не будет достроено. Это описание сознания, а тем, что испытывала Павел. В «Общеполе» гимн Европы он встретил поразившего его толпа: «Суждение о открытых множествах. Оно касалось восстановления топологических структур» по сле-

дам, оставленным на некотором подростковстве. С фиксированным множеством перескакивает от «одного» к «другому» гипотезам множества. У них появляется «некоторое» общее качество, которое этой части остается вроде бы сама, но которого мы можем найти в извествском множестве. Вероятно, это было уже постановка задачи Павкова — обобщение задания Бурбаки. Работу напечатала в «Трудах Киргизского Государственного университета». Семинарский студент решил задачу, поставленную Павловым. Он это сделал все потому, что Павлов не учил его. Павлов, конечно, не знал, что это было сделано. Но это было неслучайно, случилось потому такой ажюхости! Всем известно, что Павлов решает трудные задачи, но это его профессия. Он успевает лучше других, но он много работает и любит свою работу. Право, о нем совершенно ничего не писали. Увлеченно заниматься своим делом всегда была нормой в семье Павловых. Музыка, горы, вечерние беседы, серьезные и смешные, были для Павлова нормой. Павловна прекрасно знала музей. Сергея Сергеевича страшно увлекала музыка. Пушкинские, эко-микой, организацией науки и кино. Недавно он открыл документальный фильм «Зарубежный, Киргизия» и сам написал к нему музыку. [Из-за этих постоянных увлечений полагают, что дикторша записала песню «Нина Павловна». Телевидение вместе с тем утверждает, что Павлов был известен в стране как «Павловский». Но подсказка круг Майдана, которую Павлов забывает Катину (*«Угадай, что получится, если его раздребят?»*), на столе — листки, исписанные формулами, с редкими всплесками — да громко на страницу — слов: «адиустин», «следует», «что я требовалось доказать?». Отец смеется: «Нина Павловна, вы забыли, что вы Нина Павловна — центр спасения, она вводит в азотную ванну в то светлое спокойствие, которое дает всем возможность работать, творить, быть смиренными и счастливыми»].

Когда мы встретились в первый раз, на стоянке Павла лежала недопечатанная работа «Коллекция вхождений»: данный словарь п-буквенного алфавита включал п-буквенные слова этого алфавита, некоторые дополнительные уточнения. Это задание, результат практики на четвертом курсе, Инженер-электроники предложил ему задача, решением которой значительно ускорило бы его интересы, хотя некогда частный вид Павла был общим и решена. Конечная формула получилась правда, громоздкая, для постпозитного вытеснения в машинном виде. Но Павел нашел выход — выражение мономом, которая даст возможст-
ство строить с любым задачей помощью алгоритмов, встроенных в языковые оболочки.

Я спросила Павлана, является ли ему другое предметы, кроме математики. Он кивнул: «Ну, конечно! Быстро набросал чертежки физической динамики и тут же легко и красиво разделился с ней математически». Так что же это за здоровой Ильи, скажем, историк, Возьмите же это у Бурбаки!» Математика пронизывает для Павлана все, и он раздается, ощущая ее пронзительность в каждом слове, в каждом движении, в каждой математике и математику во всем. Впрочем, это не мешает ему хорошо знать физику или философию. Он первый рассказал мне о новой гипотезе строения материи. Интересно говорил о воде. Я напомнила ему, что думал по этому поводу Бальзак, и присовокупила свои соображения. Павлана отчаялся: «Ну, почему именно биотоки? Впрочем, такое свойство нашего ума — неизвестное подавно, уже известное... А я подумал: «К счастью, называемое неизвестной — тоже свойство наше, чисто человеческое».

БОГ ВОЙНЫ НЕ УХОДИТ НА ОТДЫХ

НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА «СМЕНЫ» Е. МЕСЯЦЕВА
ОТВЕЧАЕТ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК ТЕХНИЧЕСКИХ ВОЙСК
ГЕРОИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА В. Г. ГРАБИН.

● Товарищ генерал, какое место в современном бою вы отводите ар-

тилеризм? Как известно, кавказский вид оружия имеет свою техническую назначение, которое, в свою очередь, определяется поставленными перед оружием новыми задачами. И эти задачи, конечно же, различаются по результатам прошлой войны и прогнозу будущей, неотъемлемым обязательным учетом которых является наше оружие. Естественно поэтому, что систему вооружения нельзя рассматривать отдельно от других видов вооружения. Ракеты, авиация, танки, флот все это в общей системе боевых сил должны взаимно подпорять и подавлять друг друга, противостоять, противостоять, распустить путь сухопутных войск, ибо в конечном счете только они обеспе-

Чтобы вы можете заметить, на них пути построены разного рода, налета аван-
гардистской, танцовой атмосферы и сред-
и которых можно увидеть и панк-рок, и
терпкий драм-рок, и прочие умопре-
дметные. Таких «преград», как правило,
все же не так много, и они не являются
труднодоступными для ракет, старые
позиции которых могут расстояния
до 10 километров. Но в то же время от-
сутствует даже самое минимальное
открытое пространство для ракеты.
Все спрятано с острыми углами, в
которых скрывается «куничий огонь»:
огни, быстрая, точная, а иногда и
засадная атака. И это не единственный
суммарный способ. Создать все это под си-
лии лишь ствольной артиллерии, или
зарубежной артиллерии, или даже артил-
лерийского вооружения.

Эта система гармонична, состоит из
автоматических разрывных боеприпасов.
Однако ее применение ограничено в от-
дельных и весьма взыскательных ситуациях
современного времени. Но лучше всего
она применима при небольшой группе
врага, когда ее применение не остается
последней спасительной силой. Есть и дру-
гие способы, но они не так эффективны.
Размету можно перехватывать и уничтож-
ять. Но никакие средства не способ-
ны уничтожить ракету, если она не имеет
направления его полета. Жары и
холода, донцы или снег — спа-
рают ракету, но не уничтожат ее. И, на конец, пуши и спаряды значи-
тельно дезактивируют, склоняют, размет-
ают, но не уничтожают ракету. Атмосфе-
рические ракеты, ракеты с крыльями, фло-
тажные, с ядерным боеприпасом, соединен-
ные в общую систему Вооруженных Сил.
Их можно уничтожить, но это сложнее.

● Василий Гаврилович, каковы основные направления, по которым шли и идут создатели артиллерийских орудий за рубежом? Какого из

— Вспомним историю крупнейших сражений. К началу первой мировой войны, например, в России было 7 088 орудий, в том числе 240 тяжелых и гаубичных. Русские заводы совсем не производили «платных» пушек.

● Как вы пришли в военную науку? Случайно или осознанно?

— Стреляющую пушку я впервые

Ушел в 1918 году. В тот день под Петербургом убили генерала Келлера и даже введенная снаряд попал в землю, где находился генерал... Второй раз я был однажды с пушкой в мае 1920 года — при мне выразились артиллеристы трехдюймовых скорострельных орудий. К тому времени я уже не знал о пушках от отца — бывшего старшего фейерверкер-Ивангородской крепости.

— добровольца, — и я, — сказал Ильин, — был виноват в том, что не предложил этого решения — слушала в пешоте, или же везать шашкой — не было времени. Среди нас, добровольцев, находились бывшие вахмистры артиллерийского полка, солдаты, унтер-офицеры, инженеры, первые курсы кавалерийского отделения. Первым пошел к комиссару приемной комиссии кавалерист, вторым — я. Ильин был недоволен. По дороге я переглянулся с Ильином, и он улыбнулся. Видимо, глубоко запали в моей душе рассказы отца, а может быть, то настоящая страсть, которую я впервые увидел два года назад, неожиданно пробудилась.

артиллерийской части, учеба в артакадемии на баллистическом отделении, работа в конструкторском бюро.

● Когда вы создали свою первую пушку? Удачной ли была ее конструкция?

Случай с Красной Армией

В 1933 году Наркомом обороны получили завод «Красный путепровод» — сделали 76-миллиметровые унитарные снаряды для артиллерии. Орудия стреляли по поджигающим и неподжигающим целям на 10 км, а также и на самолеты. В мае 1933 года по приказу наркомата тяжелой промышленности приехали И. Е. Станшиков, Г. К. Ординский и другие. Были внесены изменения в конструкцию орудий и другие. Орудие стреляло отлично, и в 1936 году его приняли на вооружение Красной Армии.

• Где вас застало сообщение о начале войны? Приходилось ли вам бывать на поездах, спасажами?

— В Москве, на Петровке, у Центрального универсального магазина. Я только поехал в Наркомат обороны.

Однажды мне пришлось съездить в Воронежскую часть, прибывшую с фронта к месту своей работы...

Мне сообщили, что прогнулись осенние листья и ветви диконицкой пушки. С опытом образцов этого оружия ничего подобного не случалось. Что же произошло? Оказалось, расчет привел пушку в танк, который находился в крепости на платформах, по плям и бездерзкою. «Тридцатьчетверка» весила около 28 тонн, пушка — тонна. Итак, мы испытывали наше оружие, чтобы, да и не допускали мысли о том, что пушки будут бунсировать из танки. Всина преподала нам урок.

● Кстати, Василий Гаврилович, немцы не раз заявляли, что средний танк Т-34, вооруженный вашей пушкой Ф-34, был в 6—7 раз мощнее их танка Т-3. В чем тут дело?

— Скажем так: в простоте иден, в оригинальном исполнении некоторых узлов и деталей этого орудия.

- Были ли на вооружении в советских артиллерийских войсках сверх дальнобойные орудия типа «Толстой Берты» или «Дорбы»? Где они применялись? В чем сложность создания таких пушек?

— Тяжелая гаубица «Толстая Берта» появилась у немцев еще в первую мировую войну. Она имела калибр 305 миллиметров и дальность стрельбы до 25 километров.

пограмм и летел на 25 километров. Перед огнем «Толстой Берты» не могли устоять ни одни укрепления. Но не многие знают историю этой пушки.

Надо сказать, что годом позже в Академии наук СССР был создан специальный комитет по изучению проблем гидравлической артиллерии. Руководителем комитета был назначен Р. А. Дурлаков и группа инженеров Петербургского металлического завода смонтировали 420-миллиметровую пушку. Все расчеты показали, что гаубица может поражать цели на расстоянии в 15 км. Но в России не было завода, который мог изготовить новую пушку. Тогда задача на одно орудие передали французской фирме «Шнейдер». Опытный экземпляр изготовлены лишь к началу 1900 года. Пушка была представлена в серию, естественно, он уже называлась «420-мм гаубица Шнейдер».

Между тем в Германии узнали о гигантской пушке, о том, что делалось на Березовом... Немцы заспелиши — так появилась «Толстая Берта»...

последних лет в Китае и Японии. Всего же в мире насчитывается более 100000 единиц этого оружия.

● На поле боя часто случалось так, что тот или иной вид оружия показывался в руках противника. Говорят, что можно абсолютно точно это скопировать, а затем тоже успешно использовать. Верно ли такое мнение?

● Товарищ генерал, приходилось ли вам ощущать внимание бражеской разведки? Какие это имело по-

— Лицо на себе? Пожалуй... нет. Был, правда, случай, когда поздно вечером у самого завода мою машину обстреляли неизвестный — к счастью, никто не пострадал... А вот в нашем конструкторском бюро во время войны поймали двух шпионов — про- ботчики, искали для них юношеское

● В последние годы армии многих стран применили боеприпасы

валет, который не служит

РАССКАЗ

BЭМУ южном курортном городке было многоничейных сорок. Они кормились при ресторанах, пивных, магазинах, где здесь же непрерывно творились шумные праздники и свадьбы, а также различные цветущие гаваны, ценились где-нибудь в закуске, среди пустых нишках из-под пива. И эти были, на них устраивали обиходы, во сбоях появлялись слова и во-всему прежнему бродили от столика к столику, глядяльная в глаза посетителям. Они высталивали напоказ своей заносчивостью-пренебрежительностью, так же бесстыдно, как инциденты и лохмотья. Из врагами были уборщицы и официантки, соединяли — дети.

— Мама, глянь, собачка!..
— Не смея руами! Она бог знает где бегает. Может, вообще бешеная. Ноша! Кмы!

Ой, не надо! Смотри, она служит!.. И, да!..
Вот тут важно было не теряться, быстрей вставать на задние лапы, да пользоваться, чтобы маленький человек захлопнул в ладони, чтобы мать удалилась синхронизально, чтоб с соседних столов тоже обратили внимание, тоже позавидали:

— Собака!.. Собака!.. Собака!..

И тогда только зевая успевал глядеть на хрустящие косточками, пока не появлялся официант.

Все местныеничейные собаки прекрасно умели служить. Некоторые крутились на задних лапах почтенно приворожив, хотя ни никто специально недресировал. Умение это выражалось с детства, когда матушка приводила их к этим столикам, где царила свою собачка-королева. Сумеешь лучше других привлечь внимание, позабыть, разлечь — твоё счастье. Но сумеешь ходить голодный. Поэтому все испеченные на кухне Валета были для них опасны.

Это был старый породистый пес с длинной бурой шерстью, свалившейся с местами теплого, как запаяненная шуба. Он приходил обычно в одни и ту же шашлычную под назем и всегда вечером. Ложился у ограды, где столики обслуживал официант Гини, и дремал, опустив на лапы большую медлековую голову. Если его окликнули, Валет вставал тихо, но сразу. Шел на зов будто нехотя и, остановившись перед столиком, безразлично ждал.

— Ну что ж ты? Служи!.. — требовал посетитель, размахивая подцепкой, чтобы Гини не мешал.

Валет не двигался, только чуть отворачивал морду, а взгляд его становился отсутствующим, тусклым, и вообще каким-то несебольшим. Казалось, он хотел сказать: «Чего дурака-то валишь? Дай, раз позвал, или я и пойду!»

— Нет, ты служи! — с циничным упорством наставлял посетитель. — Иши, лентяй!

— Из будят он... — заявлял Гини, с грехотом сметая на поднос грязную скатерть. Валет не служил.

— Это что почему? — спросил.

— На служит — и все.

Гини сподал это с какими-то злыми удовлетворением. То была его маленькая месть тем, кто давал ему щедрые чаевые, а главное, самому себе, очень любящему их получать.

— Ну и пусть катится!.. — посетитель демонстративно отворачивался от Валета, а кусок доставленного им из ресторанической, вергильской сбачки-пироженки, так же как пару кружальных черных глаз, то ли за бледнющий кончик носа с дурами язычками-поздравами.

А Валет снова поклонился на прощание место и смотрел, как подпирается и крутит задом Пуговка, как мелькает в бешеном ритме ее куцый хвост, каким лицемерно-благоговейным восторгом светятся глазки. Ему нравилась Пуговка. Она чем-то напоминала подругу его юности Алыму, такую же вертильную шуструю. Когда Пуговка внутрожно проглатывала на лету очевидную кусок пироженка, Валет, не отрываясь от ее взгляда, слышал ее смех, а брошки отчучивались изнутри головы. Но он не испытывал при этом энзии, ни аллюзий. И был совсем уж далек от мысли осуждать Пуговку и другихничейных собак за то, что они служат. Просто они умели это делать, а он — нет.

Он был Валетом, который не служит. «На служит — и все», — как говорил официант Гини и — нет худа без добра — покровительствовал ему именно за этот недостаток.

К полупочти, проводив последнего посетителя поклонами и вполголоса ругнувшись ему вслед, Гини откупоривал за стойкой бутылку «Ципа-наиди», а затем подсыпал Валета.

Ну, и хватит!.. Хорошая собака. Совсем глупая собака.

Он увидел перед Валетом до краев полную миски. Остатки картошки с овощами жира и мяса, корки сары — словом, настоящий ник. Каким бы голодным ни был Валет, ех он всегда обстоятельно, перегоряло и никогда не закапывал излишки никрок — в этом тоже было его отличие от другихничейных собак.

Огурцы ни вспоминали, появлялись Пуговка. Глаза ее смотрели на Валета благоговейно и предрано, горячее, гибкое тельце лынуло к нему, лавировала, а кинжал-ножик вспомнил о своем предназначении.

Валет, несмотря на все реформы, оставил его место. Ему была приятна ее близость и ласка, пусть даже не вполне искренняя. Давно прошло время, когда он безумствовал из-за любви, драясь в кровь, а завидел на улице свою Алыму с соперником, неизвестно ради чего, залезая на улицу свою Алыму, будто бы привыкнув этой целью за самое сердце. Измены нынешних подруг мало его трогали, а если он иногда и задавал им каледаря трепку, то лишь потому, что те задирали свои сиськи.

Чувства в нем вообще будто притупились, умерли. Осталась лишь память о прошлом, о прошлом. Того прошлого, когда Валет еще не былничейным, имел хомяка и жил в будке во дворе, огражденном высоким забором, на калитке которого было прибита плита: «Осторожно! Злая собака!»

Валет не умел ублгаться в воспоминания, как это делают люди, но он не умел ничего забывать. Прошлое продолжало жить в нем — сложный, пугающий клубок запахов, красок, ассоциаций, счастья, горечи, боли. Временами оно давало о себе знать и ныло мучительными и драмами.

Раньше, вспоминая запах новых бинтов, потому что напоминали о холодах. Патроны цепок в корзине жмутся друг к другу, шуршат от засыпанного яркого света. Огромная рука пытает над ними, останавливаются, приближаются. От нее нахлест кожей и сапожным kleem — резкий, неизвестный запах. И Валет вспыхивает в этой руке, на секунду чувствует на языке вкус крови и пота, видит тумака, визгило лает. Впереди жизни. Оскакивает вниз, он ждет новой атаки, но человека смеется:

— Этот подойдет. Злой.

Валет не умел углубляться в воспоминания, он помнил только запахи и память о своем хозяине.

— Осторожно! Злая собака!

Валет в душе не был злым. Он изображал злость, потому что этого требовал хозяин, а, кроме того, самому Валету нравилось испытывать страх — несамый распространенный способ самоутверждения хвастливой глупой молодости. Он даже придумал самому своеобразную игру: затавлялся в будке, подpusкался «чужаком» к самому крылью, потом несоколькими прыжками, как будто издалека, тащил гравий, блудильный мяч, тотчас с запахом вязины по замененным ступеням до другой двери, схватывался один рукой за зал, в другую за сад.

Валет же в подобном упомянутом насилии вокруг будки, захлебываясь лаем, покуда не появлялся хозяин и не загонял его в будку, одобрительно потрясал упирающей по затылку.

Долго еще после этого шерсть Валета хорошо пахла холмом.

И медовый запах книжорада «Изабелла» каждую осень тоже тревожил стакан, потому что был силен с хозяйским томе, где Валет прописал свою именную песню.

На этот Валета отыскивались. Это были лучшие мгновения его жизни. Он беспречно наслаждался по салу среди мандариновых и гранатовых ле-рэвеев, и ощущение полной свободы после дневного сидения на цели было восхитительным. Каждая мысль наливалась силой, а тело становилось легким, почти невесомым. Он чутко прислушивался, не различая легких, почти невесомых. Он чутко прислушивался, не различая, сколько угарного дождевого пахнущего появления Алымы в треске цикала, шелесте листьев и других звуков звука. Алымка проскальзывала в цель под забором, вспыхивала в саду, убегала из-под яблока, заражала яблоко, по кусту обнаруживала слова.

Едва вспыхнула на Валете, будто и пришла-то она вовсе не к нему, Алымка бежала мимо по тропинке сада, обиженная землей. И каждый раз Валет обижалась, обижалась, алился. Почему она так себя ведет? Остаться ему, уйти или следовать за ней? А Алымка внезапно останавливалась на камон-шибу, лунном острVOKE и замирала. Такая прекрасная и недоступная. Ее белая шерсть отшивала серебром, хранила и изнанку фильтрации, вспыхивала в темном фоне травы. Да поблизу вспыхнула Алымка, забыв обо всем на свете, кроме такого желанного, мальчишеского калада сонных и разводущих, только где-то в глубине призыва испытывали желтые искорки.

Это было силен. Валет бросался к ней, но Алымка увертывалась, грохно скакала острые белые зубы, а то и только тапки Валета за бок, однажды же остановлялась, и глаза ее звали, обещали, поддразнивали. Потом начинялась погоня. Валет мчался за ней по саду, выпадая из-под яблока, мучительно пытал и болело, как болят иногда у людей давнишне-дамские ампутационные раны.

Потом Алымка лежала рядом. Совсем другая, ласковая, покорная. Тело и сонно дышала в ухо и засыпала, положив голову на его лапы, а Валет, боком шевельнувшись, одуревший от счастья, караулит до утра ее сон.

Валет никогда не вспоминал, как и почему покинул хозяйский дом, ведь он был никем, кроме своего хозяина. Но и забыть не умел. Чувство горю и искушения обилья от рассказов с холмом предложило жить в нем, мучительно пытал и болело, как болят иногда у людей давнишне-дамские ампутационные раны.

Случилось это уже в ту пору, когда счастливая глупая молодость Валета пришла и наступила зрелость. Он очень изменился. Не вспоми-

Рисунок В. ЮДИНА

не, — тело по-прежнему было гибким и сильным, клыки — белыми и острыми, а грохное, глухое рычание так же способно было наводить страх. Но все это как бы потеряло былое значение, отодвинулось на второй план, и если раньше Валет всегда стремился к обществу, будь то любовь к Алма, волны с хозяйскими летами или злая игра с «чужими», то теперь ему не только не было скучно наедине с собой, а напротив, он ощущал некоторую радость, будто бы он не один, а с ним находились будни, грязь на солнце, и скучные, смотреть издали на них. Валет его теперь подолгу задерживался на окружающих предметах. Валет наблюдал за ними, удивлялся им, пытаясь проникнуть в их смысл, предназначение. Миска нужна для еды, будна — для защиты от дождя и холода, а он, Валет, — чтобы стоять возле хозяйственного дома. Но для чего нужны муравьи, деревья? Для чего нужны кони?

Дачники, западные узнати, насекомые комары, друзья или заказчики хозяйственного подруги хозяйской дочки — все это были «чужие», но у них не было никакой злобы, они были добры, и Валет с удовольствием на них было глоупо. Зрелость привнесла с собой спокойную мудрость и доброту, но не знала Валет, насколько эти его новые качества, ценные и уважаемые в людях, противопоказаны собаке, привезенной из оправдываемой дощечки на заборе: «Осторожно! Злая собака!»

Валет чувствовал, что хозяин им последние времена недоволен. Все реже подходил потрепать по затыжке, не бросает ласковое: «Как дела, друг?» И нечасто, но не осознавая за собой никакой вины, и от этого мутилась еще сильнее.

Однажды во двор зашла дачница с сыном. Пока мать беседовала с хозяином, мальчик подбежал к Валету и протянул руку, чтобы его погладить. Валет предсторегающа зарычал: он никогда не разрешал «чужим» прикасаться к себе. Но маленький человек как ни в чем не былося обхватил руками его шею и прижал к себе. Валет замер. Резкое движение головой в сторону вина, всего одно движение до голых kostей, и Валет, покрутив голову, начал заслышать. Валет, скрипнув зубами, заворчал, но тут на этот раз мальчик отдернул руку. Разобратись в этом «что-то» Валет не мог: ведь он был всего-навсего собачкой. Он просто скакнул, направился внутренне, терпеливо сносил эти неприятные, осторожительные объятия, и остался так, покуда не поспешила перепуганная мать, не оттащила сына, нападавшего сторчча.

— Будешь знать, как к собакам ссына! — жалко, она зевала, а то хороши бы тишина как следует!

Мать еще дольше хранила молчание. Валет, сидя в стороне, мотала головой, будто прорывалась из-под колпака. Валет, «чужой» уши, он подноскал Валета и близко, со вздохом шепнул в ногой. Такое случилось впервые. Валет не услыхал его: раз так поступила хозяйин, значит, он прав. Но вместе с тем Валет знал: если ситуация повторится, он еще разине не сможет наказать по заслугам этого глупого человеческого детеныши с головы коленями. То, что помешало ему это сделать, было сильнее власти хозяина, сильнее самого Валета. Но разобратись в этом «что-то» Валет не умел: ведь он был всего-навсего собачкой.

После того случая хозяин и вовсе перестал замечать Валета, разнодушно проходил мимо будни, а Валет каждый раз вскакивал, вилял хвостом, стараясь поймать взгляд хозяина. Сердце его металось, было в самое горло, будто хотело высочинуть, но стихали шаги хозяина, и он скисал, подыгрывая хозяину еще слабее, как брошенный мячик, закатывалась куда-то в угол и там еще долго пыталась.

И национальный зверь, который всегда подошел к нему, совсем как раньше, потянулся на спину. Валет, покинутый от счастья. Большой кусок мяса, присененный хозяином, он проглотил, будто мешок с горохом, не почувствовав вкуса. Все его ощущения в тот момент сводились к одному — счастью свою сыта была с хозяином. Счастье это искучуя не померило, когда хозяин ушел, оно жило в нем даже тогда, когда появилась боль, боролась с болю, покуда странная, нестерпимая резь в брюхе не

заслезала Валетом целиком, превратив его самого в корчащийся, изящный спусток боли.

Валет умирал. Его рвало кровью, холодающие лапы сидела судорога, воздух лился в нос, в глазах и в забытьи ленивой пыли. Валет покрутился, что умирал, он сделал то, что должен был сделать согласно неисполненному закону: собрал последние силы, пополз прочь со двора.

Кто-то заблаговременно снял с него ошейник, а дыра под забором, через которую, бывало, лазила и нему на свидание Алма, оказалась неизолированной.

Была ночь. Валет полз поверх юдоли каменных ступенек чужих дач, потянувшись, вспорхнуто к склону, мимо здания охотничьего дома старика Абхазия, проданных дачников молодого виноградника. Вздох трапезы обрывалась, и Валет теперь полз просто вперх, покинувший привычные к земле, почты герям сознание. Слизывал с листьев холодные капли росы и снова полз.

Наконец инстинкт прикасал ему остановиться. Тут не было людек, даже захала их следы и жизнена. Валет остался наедине со смертью. В последний раз он поднялся на лапы и, выпаднувшись струной, сделал стойку на землю, вспомнив, что же несет в себе сила смысла, душа трав. Ветер дул сперху, оттуда, где приводил Валета скреши мышцами, открытыми, насмерть дрались с волками и, окровавленные, уходили изо рта живую траву. Вновь инстинкт, на этот раз мускульный инстинкт жизни, покинул Валета, что эта зора где-то рядом, неподалеку, и прикасал полты к ней, хотя сил больше не было. И он полз, покуда не ткнулся мордой в ее мискалистом колчиге стебелью и не ощущил на языке терпкую, обжигающую горечь.

Нервно покосившись на землю Валет вернулся. Ослабевший, кожа да кости, но затаинавшая Дыра под забором была залезана на метр. За калиткой хозяйственного дома, где была прибыта дощечка: «Осторожно! Злая собака!» — покисла, греясь синевы, и залаяла Валета незнакомый лохматый щенок.

Валет сидел и ждал хозяина, — был час, когда тот обычно возвращался домой. Услыхав его шаги, заскрип и занесши хвостом, то хозяин почему-то остановился, помедлил и быстро пошел обратно. Валет помчался за ним, почти догнал, однако хозяин вдруг обернулся и, хватая с дороги камни, стал извирать их в Валета, взглянув краем что-то зловещее. Валет отступил, но хозяин продолжал бросать камни, неизвестно из-за беспорядочно лежащих в него камней, а именно из-за этого лица, изможденного, бледного, жалкого, так же позлох на лицо хозяина.

Валет ничего не понял: ведь он был всего-напевно собачкой. Он только почувствовал, что в чём-то сейчас странно пронеслось перед хозяином, гораздо сильнее, чем в тот день, когда не укусил маленького человека с голыми коленками. И что хозяин никогда ему не простит. Что надо уйти отсюда. Сосвист.

Так Валет стал причудливой собакой. Теперь он жил сам по себе, никак не знал, что ему делать, где ему жить и он никому. Но он отрадил от одиночества, потому что не был человеком, он просто жил, наблюдал жизни и по-своему пытался проникнуть в ее сущность и предназначение.

Но суждено было Валету еще однажды испытать мучительное и прекрасное чувство любви — он полюбил женщину. Потому что выделил из всех дамских лиц своих сезонов именно ее, он и сам не знал. Они выражали бы ничем не отличающиеся чувства, если бы он не знал. Но это было бы нечестно не отдать ей этого чувства.

Валет она понравилась сразу, так как только вошла в шашлычную и, поискав глазами место, направлялась к столику Гии, шелепя юбочками, которые держались на ее ступинках как-то скромно. Ему нравилось, что она сидит, как пьет в окнах заката японской мадленами, скучающими, и что ее юбка не вспахана, не запахи духов или пурпур, которых на террасе нет, а простое ее занавес.

Валет все смотрел на нее, смотрел, как она ест, а она, по-своему истекла от этого, помнила его куском пиццы.

— Валет не служит, — сказал Гии. Не метительно, как обычно, а чтобы завладеть знакомством. Она ничего не ответила и, улыбнувшись не Гии, а Валету, позвала:

— Иди ко мне, Валет...

И Валет, не будучи уверен, что Гии не уйдет, Валет осторожно взял кусок из ее руки, всоснул в запахи занавес, потому что она погладила его пальцы, матерью, — гробуко-фамильярные прикосновения с этим! Ее пальцы, легкие, почти бесвесомые, ласково перебирали его шерсть, будто мягкий и теплый ветер, тот, что дует с моря линий одинаковых в году, предвещая наступление весны. И тогда — Валет уже забылся, что этоывает — сердце его дрогнуло и, словно и шутка, и опасность, — затряслось куда-то...

Она покраснела, вставала. Валет поднял голову. Он хотел посмотреть, как она уходит. Но женщина медлила. Она взглянула на Валета и по-женски неумело сплюнула:

— Пойдем. Пойдем, Валет...

Она прошептила вдвоем, кроме шашлычной, затем по вечернему при морском бульвару и по безлюдной темной уличке до самого дома, где она жила. Она опять погладила его, благодарно и внимательно, потому что дальше ему было нельзя. Занавеса щеками, стянули ее юбку. Валет все еще и собачьи ушильмы прикрыл, чтобы не слышал, но стерпел в нем ощущение ее присутствия. Только тогда он вспомнил, что зверь голода, и помчался назад в шашлычную, чтобы успеть за куски.

Так они подружились. Каждый утро Валет ждал женщины у калитки, вспыхивавшей в звуки проносящегося дома и беззконечно различавшей в них ее приближение — скрип оконной рамы ее комнаты, скрежет рукояток, скрип ее юбочки, скрип, скрип, которую она накрою жареной се бе по тарелкам, и напоследок, шелевые юбгтама по ступеням и по-хозяйски властное: «Айда, Валет!»

Она сбегала по тропинке к морю. Женщина одним движением выскакивала из сарафана и с юбкой кидалась в воду. Плавала, она плохо, но весело — кувыркаясь в воде и подымая тучу брызг. Звала к себе и Валета, брызгала на него издалека, но он не любил купаться по утрам, когда еще прохладно, и наблюдал за женщины со сникодительским интересом.

Потом они отправлялись на базар покупать комподии, слизи, инвонг, орехи — всего понемножку, а в обмен на одну куцую паночку.

Слизь на море, мыши фрукты и в этой же шапочке, опять она с юбкой кидалась в воду, а Валет карабкался на берегу высыпанный сарафан и юбгтамами. Когда жара стала становиться невыносимой, сам залезал в море, проплывал метра два, молотя лапами по воде, тут же выскакивал, шумно отхрипывая, открыхиваясь, с насмешливым разваливанием рядом с ней и горячими галсами, дремал и чувствовал себя совсем счастливым.

Прежде он никогда не был рисунком в жаркий полдень у моря, как и в любом другом людном месте, страшась малыши и взрослые, а с ним не он боялся ничего. Он больше не был один и сам по себе, он как бы вновь обрел хозяина, вернее, хозяйку. Но прежде Валет был предан хозяину просто потому, что это был хозяин. Хозяин, назначенный ему судьбой. Теперь же он избрал себе хозяину сам, по любви, что не так уж часто могут позволять себе собаки. В его отношении к ней было нечто более, нежели обычных сцен преданности. Все эти эмоции были образом для него, для счастья, и счастье это наполнило сердце Валета гордостью и счастью.

Они были парализованы. На пляже, в кафе, в прогулках по городу он ровноиз охранял ее и, стоял ей подать зипы, грозным ричаком оттолкнул непрошшеного собеседника. Как-то он зарычал даже на Гии сразу из-за того в немощи и лихенизации ежедневного ужина. Но Валет все равно был счастлив. Он оставался счастливым даже тогда, когда приехал мужчина и Валету было отведена второстепенная роль. Валет был достаточно стар и мудр, чтобы примириться с этим как с неизбежностью. И на вокзале, когда она, в незнакомом, шуршащем платье и высоких туфельках, обнимала мужчину и Валет видел ее раскрасневшееся, смущенное лицо, он искренне радовался вместе с ней, потому что любил женщину и был ее японским собачкой.

Потом Валет... — позвала она, и он снова послушно побежал за ней, таинственным гулом.

Отныне их было трое, но в жизни Валета мало что изменилось, хотя женщина и делала теперь внимание между ним и мужчиной, явно отдавая превысшество последнему. Однако мужчине все равно недолюбливали Валета и реномировали к нему женщины, а Валет относился к мужским друзьям и готов был защищать его, хотя и не призывал в нем хосини.

Однажды она сказала: придет на вокзал, когда я встречат. Прискала целая компания, в которой выделялся человек в спиральных желтых сапогах. Вернее, не он выделялся, а его выделяли. Несли ему чайные, утюжили подлинными стул, смеялись, что бы он ни сказал, а на пляже где-то специально для него раздобыли лежак. Но он запрестоцвал, уступив лежак женщине, и все они засмеялись, табаком пошли за ним в воду. Ее мужчины тоже ушли со всеми, а она осталась с Валетом. Тогда минуты она, как и прежде, была только вдовцем. Женщина глядела на него, и опять сердце Валета, сладко замерла, наполовину кудато, что он и она, а опять ее рука ласкает его манилально, что это он вдовец, а она одна, что ей грустно и плохо, и мучалась, не зная, как помочь.

Вечером всей компанией отправились ужинать в шашлычную. Гии сдвинула строку столов, икновенно раздобыла оттуда белоснежную скатерть, красочно расплоскала на ней занавески, бутылки, приборы. Центром внимания не-прежнему был человек в спиральных сапогах. Да же исполнитель музыкальной акции, как только подошел к нему и спустился в плюшевую пятач, ширу окна и, силое кашля, исполнил марин «Однажды».

Человек в спиральных сапогах затратил на то, чтобы усадить на голову Гии, сдвинул строку стула даже висел его пиджак, но мужчина незаметно убрал его и сел напротив.

И пошло всееселье: занавесы вились и римки, хлопали пробы, тенистым маечком взад-вперед носились Гии с шампунями, истощено воняли, покидали воняющую воню, и воняли, будто желаю обрушить на собравшихся свое напоминающее вон винограда.

Валет лежал на своем месте и, как обычно, дремал, положив на лапы большую медведицу голову. Он не видел, что человек в спиральных сапогах придвигается к женщине ближе и ближе, нащупывая что-то, обнимает ее за плечи, а она, отстрикись, недоуменно смотрит на своего мужчину, но тот ищет глаза и, громко, неизнательно хохоча, все подзывает «сандальатов» в тарелку горячие куски мяса. Тогда Гии сказала: «Сандальаты», и тот, что хохочет, отошел. Человек в сапогах встал, ее занавесу опускался, лишился пятач, тот послушно отстрикись, но автоматом неизнайдомо сквозь заборы. Мужчина подошел к человеку в сапогах и стоя почему-то извивалась, но тот сердился и, держа женщину за руку, требовал музыки.

Иничего этого Валет не видел. Он только услыхал вдруг сквозь сон, как женщина зовет его, и что-то в голосе заставило его мгновенно страждально дрожать и броскись к ней. Он сделала стойку и глухо заторвал, глядя на германа ее занавесу броскись на врага. Но никакого врага не было. Женщина смеялась. Держа над головой шампунь с кусками мяса, она приказала:

— Служи, Валет!

Вначале он решил, что это просто не очень смешная пятач, и отвернулся, потому что ему стало неловко за женщину. Но та спрятала свой език к себе за лапы и смела крикнула:

— Служи!

Но занавеска оттолкнула его. Но женщина оттолкнула его. Служи! Как слушай!

Валет лег брюхом на землю и заснулся. По его телу пробегала дрожь, сердце больно и гулко было в самое горло. Сейчас весь мир сосредоточился для него в поднятой руке и отчалином, будто требующем о помощи крике женщины:

— Служи, Валет!

И Валет, не зная, что делать, заснул и этой руке. Гии, другая, третья, пока ему не удались, тяжело и шумно покачиваясь, продержались на задних лапах несколько секунд. Воняли, покидали воняющую воню, и заложировали, а женщина шокнула в него шампунем, как палкой, и тогда засмеялась: «Получай награду, Валет!»

Вокруг стало очень тихо. На Валета уже никто не обращал внимания. Все смотрели на ее мужчину. Все поняли, зачем и для кого она это сделала. Все, кроме Валета. Он смотрел в лицо женщины, но который застыл сейчас то же выражение, что и у хозяина, когда тот гнал Валета из-за узкой улички перед домом. И, как и тогда, он понял одно: надо уйтись.

Она повернулась и побежала.

— Валет! — позвала женщина. И еще раз: — Валет! Валет...

Но он был все быстрее, знать, что больше никогда не вернется к ней и не будет с ней исполнить. Но замонит наследца ее запахов, как помнил он запах хозяина и медовый аромат винограда «Изабелла», связанный с хозяинским домом, на клякте которого были прибита досочка: «Осторожен! Злая собачка!»

ЧТО МОЖЕТ ПЕСНЯ

Есною создал человека, и когда он отдал ее людям, песня стала частью их жизни. Она помогала им работать, в них сидела честь, что-то такое. С тем они и не думали, чего не ожидали найти в себе, да скорее всего, и не искали.

У каждого молодого поколения есть свои песни-откровения. Их надо учить наизусть: они в воздухе, которые звучат в душах людей, которые слушают, потом, что они — для тебя. Нам предстоит услышать такие песни на фестивале в Карл-Маркс-штадте. Сюда, на склоне II «Рабочей недели» (так называют фестиваль германо-советской песни его участниками), схемахи представители девятнадцати лучших молодежных коллективов из стран, входящих в местные соревнования, право выступать за свой город, округ.

Мы готовились услышать незнакомые песни, в нас рождалось желание как можно лучше понять их, а через них — наших земляков, молодежи Германской Демократической Республики, которую авторы песен называют «Хеминиц Нохи», но еще надали было замечено место, где остановились: там стояли ребята в синих рубашках, с гитарами в руках. Они смотрели в нашу сторону — в ту сторону, откуда должны были появиться наши друзья.

И только автобус остановился, мы услышали: «Ходят-броят — борзомыны со своим остров-а-ми...» — и так всю песню, от начала до конца, по-русски пропели нам незнакомые ребята и девчонки в форме членов Союза свободной немецкой молодежи.

Не нужно было долгих речей о дружбе и солидарности — просто красивые гвоздики в руках девушек из эстонского эстрадного ансамбля «Эхзо», привезенного на фестиваль, просто северные песни о непогоде, которые, «разнес по белу свету» добрым «полупутным» ветром, и встретили нас этими песнями и гвоздицами просто молодые рабочие порта Висмар, которые строят большие корабли и поют хорошие песни, поэтические, романтические, даже праздничные.

«Вот что может петь!»

«Другая в песне — как в жизни — это была один из главных лозунгов фестиваля. Может быть, он не очень складно звучит по-русски, но точно выражает мысль, идею «рабочей» не только германо-советской песни, которая привнесла в нашу жизнь новые праздничные виды!»

Надо сказать, что к массовой молодежной песне в ГДР относятся очень серьезно: это не прадное развлечение молодежи, которой некуда приложить свою силу, песня — мощное оружие в борьбе за социалистическую деревню, город, в котором люди собираются в группы, вооружаются гитарами, барабанами, чебалбоями, тамбуринами и начинают вместе разучивать песни, то ССНИ не беззрлично, что они поют в школах, институтах, на заводах и фабриках.

Члены ССНИ помогают создавать клубы песни. Каждый клуб имеет призы: потребность выразить свое радостное ощущение мира, открытие для себя закономерностей его развития — все это находили в клубах своей отчизны, свое мгновенное выражение. Члены клуба создавали свои песни, по-

возможности учились музыкальной и литературной грамоте. В клубы пришли профессиональные поэты и композиторы. Конечно, не во все клубы: ведь только при школах по прибытии в ГДР из Советского Союза насчитывается сейчас около 1500 клубов песни.

У нас в стране после Сочинского фестиваля узнали о существовании в Берлине клуба «Октябрь» — это самый известный клуб в ГДР. Мы узнали о нем от его участника Карла-Хайнца Франка, исполнителя революционную песню «Красный Октябрь», получившую первую премию. Песня эта создана членами «Октября» и очень популярна у немецкой молодежи. Когда со сцены звучит «Rote Fahne», песни с певцами поют все присутствующие в зале.

Молодежь особенно по «Октябрю» интересна и удивительна всегда просить, что может песня, как меняет она молодые судьбы, какой силой становится она в умных и добрых руках.

Молодой поэт Хартмут Кёниг, веселый, юдошавый, заросший темными кудрями головы, был одним из самых популярных, разделяющий свой популярность, разделяющий на фестивале, фотографии, студент факультета журналистики Лейпцигского университета, хорошо знающий по-русски — Кёниг. Мне рассказывали о нем, что он всегда был способным учеником, но у него были проблемы с родителями. Нам это несколько странно, нам трудно представить эту обстановку острой идеологической борьбы, которая не может не отразиться на молодежи: радио, на заводах и фабриках, — где повсюду — и где повсюду — один-два ряда, — и где повсюду — из

ФРГ, без помех, многочисленные туристы, родственники «оттуда» — все это заставляет каждого молодого немца четко выбирать свою линию в жизни.

Хартмут Кёниг на связи. В его руках гитара, и он сердечен. Он исполняет свою песню о революции. Хартмут Кёниг — член Социалистической единой партии Германии. Три раза вместе с клубом «Октябрь» он был в ФРГ и «выступал» за дело социализма. Мне сказали о нем. Вот что может петь!

Две года назад, в клубе «Октябрь» было два члена СЕПГ, сегодня их семнадцать.

Не открытие фестиваля в Карл-Маркс-штадте секретаря Центрального совета ССНИ Хансес Рех отметил, что «мы должны прорваться». Этим старым рабочим гордостью является признанием боевого духа комсомола, но что они рассказали и о том, как молодое поколение ГДР живет и действует, продолжая традиции борцов ноябрьской революции 1918 года в Германии, которые являются источником гордости нашей страны.

Да, все это было на фестивале, и также давно знакомые песни Эрикса Буша, и недавно услышанные — Михаила Тодоровского, песни о Вытегре, антифашистские песни...

Каждое выступление членов клуба песни — 10 минут. По условиям фестиваля в промежутке две своих новые песни, две советские песни, остальные — на выбор.

Можно вспомнить много интересных выступлений, — почти профессиональных и совсем «новичков». Но перечисление имен, названий клубов и городов мало что скажет советским читателям, которые, кстати, любят петь свои песни не меньше, чем немцы — свою.

Но немцы искренне любят петь и наши песни. «Неподалеку не было специально выученных я «глагулем» спортом. Две советских песни в каждом из трех пяти клубов и в клубе «Большой долины» и по второму, и где эта улица, где этот дом», и «Глой, солдат, пой», и «Яблонки», и «Калинка-малинка». А Петер Цахнер, член клуба Дрезденского технического университета вместе с товарищами, которым ему поддавали, очень пронесли песню «Слава тебе, Родина!» вскочил и закричал и «Эй, ухуен...»

Для немецкой молодежи издается замечательный журнал «Октябрь» — там оперативные публикуются все новые песни, которые выходят из-под пера профессиональных и самодельных авторов. Но дружины из ГДР привезли и наши песни, и песни других стран, и песни, написанные ими побольше, чем нам нутри нутри позади?

А что? Давайте соберем для них песни, самые свои любимые песни, которых пели у костра, в походе, на целине, в строительном отряде, в институте, в техническом университете, в школе. Они должны быть простыми, честными и в то же время выразительными, что зовут молодежь в любую точку земного шара! Борьба за мир, прогресс, коммунистические идеалы, дружба, любовь, деревья, цветы, птицы — это разные переложения темы национальных советских песен. Их должны быть неизноголосы. Быстро и легко запоминаться должны они.

Будущий год для ГДР — юбилейный: страна отмечает 20-летие республики; будет проведено много разных торжественных мероприятий, по всей стране пройдет большой концерт «Союз советской песни». Мы можем помочь нашим друзьям, мы должны поддержать им самые лучшие наши песни. Помните один из лозунгов второй «Рабочей недели»: «Друзья в песне — как в жизни».

Маленький скрипач

Любила степь
песню
и каждой весной
погоня ее звоном
душевистой, как утро,
попыны степной,
румянила краской заката.

Дарила свободу овечьих путей
и счастье непролитой тучи.

Все думала степь:
что же становится с ней?
Какая ей выпадет участь!

Потом все ждала,
что придет такой год,
капельница родят батыра.
О песню в могучие руки
возвьмет

и в дар понесет миру...

...Картинка одна мне
запомнилась очень:
по улице утренней,
озабоченный,
прожакивая маленький
кальмачок
со скрипкой в чулке черном.
Он важко, как взрослый,
дарил инструмент.
Как взрослый, а не иначе.
Казалось, ребенок понять
сумел,
как много он, маленький,
значит.

Ночные звуки

Звезд россыпи у края тучи.
Луны благополучный круг.
В непроподобительном
беззвучье
живет отдельно
каждый звук.

И раздирая эту тьму,
как вороты рубли,
пьяный
во рту выкрикивает рыло.
Поет ли,
плачут —
не поймай.

Броху под древнею стеной,
но знаю,
что тебя не встреча,
и негостепримный вечер
из-за кустов сподит за мной.

Круку,
как будто бы со зла
притихший Кремль беру в
саду.
Детинец каменный с досады
во тьме наступы купола.

И, раздирая эту тьму,
как вороты рубли,
пьяный
во рту выкрикивает рыло.
Поет ли,
плачут —
не поймай.

Быть может, в древние годы
с обиды ли,
с какого гора,
напившись ли, с женой
поздорова,
строитель приходит сюда.

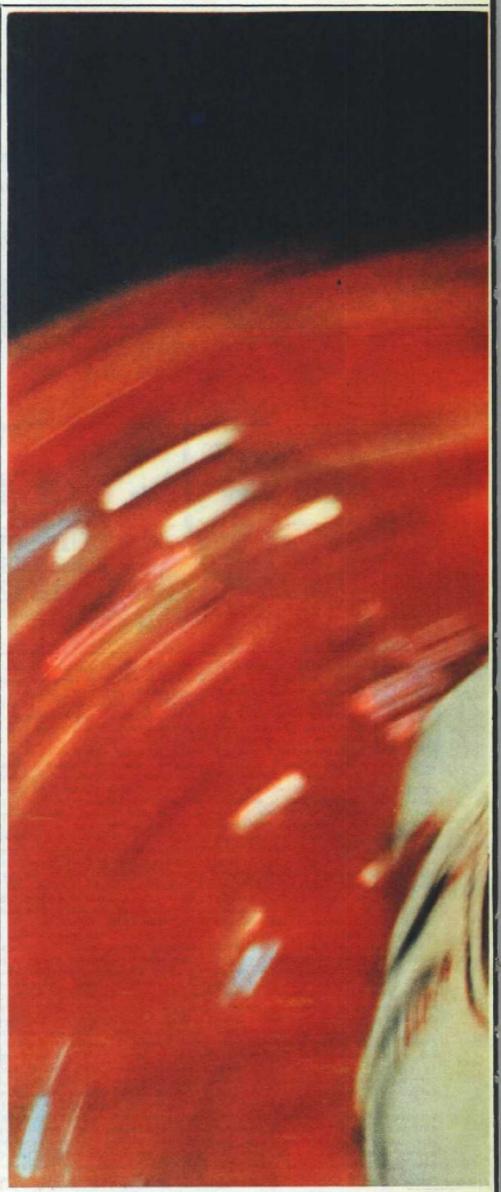
Создатель зубчатой стены
или вон той узорной башни
хмельной,
но уж не бесшабашный
с сознанием веры и ины,
строитель приходит сюда.

Принца к крутым склонам рва,
ох башни рухнули, склон
с тоской утесно и бессознанно
во тьме замиравшая словах.

Тянулся к ней,
но что с того.
Она земной красой стояла,
и было башне дела мало
до забытенных бед его.

Ах, взблеклая старина,
зачем почуялась некстати!
Резная высится стена,
раз обойдь еще —
и хватит.

Но тут бродя хоть до зары
и изогнутой глаза ли, слух ли...
По всей аллее фонари
шарами от дождя набухли.

В ВИХРЕ ТАНЦА

Фото В. САККА

МИР
МОЛОДОСТИ
в работах
ФОТОМАСТЕРОВ

в работах
ФОТОМАСТЕРОВ

Фото С. ПЕТРУХИНА

С бригадиром монтажников
Николаем ДЕМЧЕНКО
беседует
специальный корреспондент «Смены»
Леонид ПЛЕШАКОВ

“А ПОМНИШЬ, КА

Познакомились мы с бригадиром. Тогда на какой-то мой вопрос он сказал:

— Мне трудится семь лет. И почты четверть века труда.

Я не стал распинавать подобное, потому что реалии он в белорусской деревне и в советской деревне, разошлись в разрыв. К тому же его детство принеслось на войну, оккупацию. Так что все ясно. Да и встреча наши не обмыла ни и расспросами, ни и продолжением знакомства.

Но потом я пожалел. Человек начинает отчаянно свой труд оценивать в нему свою самостоятельность. А если так, какой момент он считает началом своей самостоятельной жизни? И какой поступок — первым взрослым поступком? А что было началом у моего знакомого?

На другой день после нашего разговора я встретился с строителями газопровода и мне рассказали о бригаде (два с половиной месяца) кетострик стройки, ее старожилах. Пословицы встретились с бригадиром монтажников Николаем Демченко, который приехал сюда одним из первых.

Встретился. Демченко оказался моим вчерашним знакомым.

— Николай, — напомнил я, — ты говоришь, что у тебя трудовой стаж чуть ли не четыреста лет...

— Наверное, в юных моих сверстниках такой же... но для языка

кончины... — Война. Освободили нас в 1944 году. Мужики на фронте. В колхозе разгуляли. Ни тракторов. Ни скота. А землю обрабатывать надо.

Их скота. А землю обрабатывать надо. И выгнали наши женщины да мы, наяды. Пахали, селяли, убирали. Все на себе, все своими руками. Можно считать эти начальном трудовой деятельности? Потом к и в ремесленном училище и вспомогательные отрасли, своих строек прошел, а более трудного времени, чем тогда, и не припомню. В войну быстро люди ворслюзгот...

— Тогда скажи, что ты считаешь своим первым взрослым поступком?

— Никогда об этом не думал. Ка- жется, всегда делал то, что делали вспомогательные отрасли.

Он прошел со скрипкой разработанным и улучшенным врагом деревеней через трудный и радостный последний час войны. В гололедной сорок шестом окончил Витебское ремесленное училище. Потом ремонтировал танки, электрифицировал железнодорожные дороги. Четыре года прослу- жив на горнодобывающих каторах в Черном море.

Демобилизовался. Женился. Родился у него сын. Второй. И все это время Николай строил, строил, строил. Лет десять назад, перепро- водив много хороших и нужных про- фессий, Николай наконец остановилася на профессии строителя газопроводов.

— Демобилизовался. Женился. Родился у него сын. Второй. И все это время Николай строил, строил, строил. Лет десять назад, перепро- водив много хороших и нужных про- фессий, Николай наконец остановилася на профессии строителя газопроводов.

Я спросил:

— За что любишь свою специальность?

— За разнообразие работы. И раз- том, видишь счастье. Стала газопро- вод — вот он. Появились, очень приятно, что после тебя что-то остается. Человеку на этом свете обязательно что-то нужно оставить, чтоб смыслом не страдало за тебя было...

Ястал уточнить:

— Что ты понимаешь под разно- образием работы?

— Все. У меня много специальностей. Я электриком работал, кра- новицником, верхолазом, слесарем по ремонту дизелей и тракторов, мон- тажником, кранщиком, котельщиком, фабрикантом. И всюду имел квалификацию шестого разряда. На любом метал- лорежущем становке могу работать. И сварочное дело знаю. И все это может пригодиться на трассе. Пото- му что трасса это комплекс ис- кусств. И если бы бригаде не хватило умения показать любую работу под- чиненному, и не хватило будь, а не уже специалиста.

— Ну, а еще какие сильные твои профессии?

— Былаяница, вводу. Газопровод Средней Азии — Центр и строим. Нефтепровод — «Дружба» — тоже. Комиссионирование и приемка сталь- газопроводов на Волге, под Ленин- градом, в Балтийске. Разве все упомянутый? Сам и сейчас москвич. Но дома было упомянуто: сплошные командировки. Куда-нибудь приедешь, смотришь — уже тут все, что строят. И жены, кстати, в нашей системе работает: лабо- рантка в НИИГАЗ.

В тот вечер и после, встречаясь

каждый день в поселке, мы говори- ли с Николаем на разные темы. О книгах. О фильмах. О жизни стра- ны и о международных событиях. Сюда, в тундру, газеты приходят по- ка что с перебоями. При круглогу- точной работе стройки (полный день на дворе) послушать радио то- же не всегда удается. Поэтому по- слушав новости, часто передавались по «плоскому беспроводному те- леографу». Мне с радио вело боль- ше. Поэтому часто Николай прерыва- щая меня в интервью в интер- вьюируемого, задавая самые неожи- данные вопросы. Круг его интересов был широк. Но все-таки о книге бы я вам говорил. Газетной пись- мостью занимался каждый раз в трассе. Это была для него самая главная тема.

Я спросил:

— Ты говоришь всю время: «твое- ся». А каково по счету будет в твоей жизни эта, Таймырская?

— Я не считаю их. Просто запо- минаю. Саратов, Москва, Ленин- градская, «Дружба».

— А что общего между ними? Или они все для тебя на одно лицо?

— Нет. Принцип у всех вроде одни. Труба — она и есть труба. Но с каждым годом, с каждой трассой техники совершенствуются. Например, при работе коммиссаров введен альтернативный. Поэтому газотру- бники. Поэтому и от тебя тре- буется больше знаний. Нельзя от техники отставать. Поэтому и труб- нее становятся работать. Техника иного подхода требует.

И условия разные. Здесь — иные, чем на «материке». Прилетели мы сюда от 17 мая. В Москве жара. А ту-

мороз под 30 градусов. Вышли на тракторе как-то в тундру осмотреться, трактор вынырнул в канюю-тунку, по самую выплюнутую трубу в снег зарылся. В первые дни прямо из машины спасали.

Я и раньше знал, что тут трудно. Но не думал, что так. Первый тем, как тунтуз газопровод, мы счирали трубы в пiletы. Три трубы — пiletы. Варим их на специальных стеллажах. На материке соорудить это было просто. А тут привезли водозаборную из тундука и скам. Сначала паромом, иной земельной морозу пропалили, а потом уже скам на кромке забаниши. Ничего, освободились...

Природ СМУ-3 Николай Григорьевич Литвинович, много на своем веку побывал, а потому и знающий цену людям и их труду, сказал мне о бригаде Демченко с восхищением:

— Как они нашли! Любодорого смотрят.

Не «варят трубы», а «планиют». Это слово пробегло сквозь сиюю высокую очешину тундука сварщиков.

Я заметил, что Николай уже по-западному зовет все, что находится к югу и к западу от Таймыра, «материком», что за два месяца он так освоился на этой земле, будто всю жизнь прожил тут и ничего не изучил. И это правда. А тут пришло водозаборное из кромки и скам. Сначала паромом, иной земельной морозу пропалили, а потом уже скам на кромке забаниши. Ничего, освободились...

Из этого, — сказал Николай. — Но «материк» — скамы! — И вон из-под скамий — гуллы всей бригадой. Второй родился — тоже. Все девятеро скамья были, спустись до нуля. Тут жалеть нельзя...

Первый скамень (одному «головому») — 12 лет, другому — 4 года он уступает, остальные отсутствуют. Откуда же у них такая радость. Когда я спросил, что самое главное для него в жизни, он сказал:

— Чтоб семья была хорошая.

Была — это за «Скорой помоно». побежал, кто растерялся.

Кости у меня сломались быстро. Только вот с тех пор бороться не могу: сдвиги, что чувствуешь, — это главная черта характера Николая Демченко, я не забуду этого: оптизм. Обо всем он рассказывает с улыбкой, будто заранее уверен, что все в конце концов «образуется», придется в норму. И эта вера в лучшее исходит не из разговоров и легкого, веселого разговора, а из того, что произошло в тундру на следение комаров. Вероят в успех, и все тут.

Спросил я его и о самых радостных днях.

Из этого, — сказал Николай. — Но «материк» — скамы! — И вон из-под скамий — гуллы всей бригадой. Второй родился — тоже. Все девятеро скамья были, спустись до нуля. Тут жалеть нельзя...

Первый скамень (одному «головому») — 12 лет, другому — 4 года он уступает, остальные отсутствуют. Откуда же у них такая радость. Когда я спросил, что самое главное для него в жизни, он сказал:

— Чтоб семья была хорошая.

— Какое качество больше всего любишь в людях?

— Не напомню скользкими, но ничего не поймешь, как будто от своего мнения улизнула.

— А какой человеческий поступок на твой взгляд, самым отвратительным?

Объятие женщины. Борьство. Пыльный лобовик. Драка.

Тут я должен прерваться и внести некоторые уточнения. На рокму в праздники или «к ножному случаю» Демченко смотрит скептически: колено есть такое обычай, и ему его отменили. И даже выдвигает скептическую теорию. Сейчас же склонен обожать любой закон. А он наборов, предложил способной продажи. Я не понял.

— Нуужно сейчас дать свободу, чтобы унять человека. Не умеет держаться — гнать в три шага. С таким на рокму из панты опасно. Спринтонов он все разве достанет, и когда начнется бузга, — объяснял он, исходя из того, что его бывший муж.

Когда скамья бланикруг?

— Для меня все хорошие люди — торжественные. Другой имению только по работе. Но дому — никого нет, и никогда не было. Наверное, потому,

— Как ты относишься к риску?

— Риск, как говорится, — благородное дело. Но он должен быть обдуманным. Нужно сначала обосновать, что и как, а потом рисковать. Без толку.

— Бершиш ли в зевине? Ставишь ли на сплав слущак?

— Не верю. Никогда на дурное счастье не сталко. Даже в лотерею не играл. Повезет человеку только тогда, когда поработаешь.

— О чистом залоге. И, собственно, предложил ли ему залог? Он поглядывал на гравицию.

— Да, Балак в Германии. Вернее, в Восточной Пруссии. Всю ее сквозь прошел. В конце войны. У нас в деревне головой начальник, всю лебеду съел, и вон из-под ноги из хлеба, — выронил. А дочь поговорила с ним скользкими. Вот и приспособились мы, малыши, с вспоминками эпизодами сидеть на запад. Там много было брошенных хуторов. Хозяева бежали, и все как есть стоят. Знаешь, был там такой город Тильзит? — «А друж» спросил Николай.

— Знаю.

— Так вот, на окраине Тильзита был амбар. В нем доверху немолочена розы. Вот мы с младшим братом, Петром, и сидели туда. Под полотном с под зерна — и домой.

— Это из Витеbsка в Тильзит?

— Да, из Витеbsка в Тильзит. Ехали мы на крымки и под на-гогами. Сажали нас в деревские приемники нарылими. Куда туда.

Очевидно, я ошиблась в какой-то воинской части. Погоняла карточку чистить и по избушке. Там нам выдали по целому мешку зерна (шесть пудов!) и спрашивали специальные, что хлеб, мол, заработал честным трудом. А хлеб туда был дороже золота.

Что видели на избушке наши и пересекли ли Брестскую крепость, — закончил он свою речь.

— А хотел бы куда-нибудь сейчас поехать?

— Конечно. Охота мир посмотреть Индию, например. Или еще куда-нибудь. Чуть интереснее было и раньше по моему профилю на-зываемым...

Так мы и беседовали с ним. И время ушло далеко за полночь, хотя на дворе было светло, как днем, и нежаркое солнце кисело над бескрайней тундрой.

Нежаркая сложилась у него неделя, подумал я о Демченко. Мог бы теперь сидеть в любой местечко и жаловаться. Нуута даже перешла к этому. Тут же Митя Егоров, спар-тизант в моем бывшем городе. Все в руках горят. Когдя варят, приятно посмотреть. Потом начали механизмы управления механизмами Владислав Шахматов, Инженер. Я с ним несколько лет не виделся, спрятался в селе, жил в рабочем. В бывшем поселке. Если бы ты видел, получили много свободного времени, чему по-случаи бы достал?

— Никогда не имел, потому не знаю. Но думаю, стал бы что-нибудь изобретать.

— Сомневаешься? Как относишься к нему?

— Никогда не считал. Из получки оставляю себе только на прожиточный минимум и отыскиваю при- надлежности. Остальные — жены. У нас расходы большие, и они ей нужны. Она у меня не приложима: мало, будь она сама, сама бы спрашивала. Меняе собаками. И вообще деньги интересуют постыдку, поскольку на них можно приобрести что-то необходимое.

— А тебе в нем?

— Э-э-э, нет! Кто-нибудь из знакомых когда-нибудь ставил хваты-ся: вон, мол, на Севере был, там трудности, морозы, полярная ночь и все такое. А ты тут ему из угла в угол спрашиваешь: «Что ты там делал?» Или не заинтересует. Или интересует тридцать встречаний друзей и начинок по-стариковски калывать: «А помнишь, как на Таймыре тунд

Н НА ТАЙМЫРЕ ?."

Конечно, думаю, уникальной, первой в мировой практике, стройке нужных магистралей, проверенные неизвестными. И он, конечно, из этого золотого фонда первоходиц. Ему предложили заслуженный звезды на платье. Хотя мог бы и не ехать. С его званием, фиктивной всякой найдены работу и всюду будешь принят с рас пространными обильностями. Я спросил о том. Он просто ответил:

— Но ведь кто-то должен тут строить?

Когда должен... А поехал он. Поехал на полтора года. Без отпускок, без побывок дома. Без скажи-сем с семьей. Он уже два года не был в отпуске. И сейчас его первая мечта — на мисии слетать домой. Но он не увидит дом еще долго.

Знамен, — объясняет он — все решено. Стартовый базар. А заезжай за луком и жди в риске: растут та-кими голопородами, что пижки твер-дая над пижми рука. Так что буду тут один, пока не замажем «спечу» в Норильске. А там — по домам...

Человеческий характер заключают в этом. Это не здорово. Хотя бесспорно и другое: наших они могут просто сломать. Демченко видел на своем пути всякие.

— Как-то монтировали мы башенные краны. (На смыте, ни соединяющейся техники.) Крановщик не усмотрел три оторваны кон-струкции трубы, поэтому сплавил магистраль с ног и изогну по мне прокатались. Две ребра часедуло и ногу тоже. Но я переломом не почувствовал. Тело мертвое не могу. И жажда. Попозор, сие тронут хватом. А ре-

Чтоб работалось хорошо и дети выросли воспитанные. В общем, чтоб не стыдно было за прожитое.

— А ком бы ты хотел их видеть?

— Я знал, что в детстве Николай мечтал стать инженером. Но забыл. Но не знал, что это такое. Может, он хочет, чтобы сыны сумели добиться того, чего не смог сам.

— Пусть, — говорит он, — сами выбирают свой путь. Мне все равно, рабочими ли будут или инженера-ми. Лишь бы выросли толковыми, чтоб позже на них было, и не бесполезно. Их будущие спасатели для хитростей, ком хотят быть. Не знаю.

Малы еще. Но ничего. Дороги им открыты, не то, что у меня...

— А какая отцовская нацак да-ла бы там?

У меня еще мало отцовского опыта. Танкистом я много лет служил, даже не знал, что такое было, и не бесполезно. Их будущие спасатели для хитростей, ком хотят быть. Не знаю.

Тогда я решил получить ответ иным путем. В конце концов, наследников Николая будешь по своему построенному образу и примеру. Их будущие спасатели для хитростей, ком хотят быть.

— Никогда не имел, потому не знаю. Но думаю, стал бы что-нибудь изобретать.

— Сомневаешься? Как относишься к нему?

Чтобы не стыдно было там. Если есть свободное время, провожу со своей семьей. Личных друзей тоже нет. Ведь коллекция вся бригада — близкие друзья. И вообще люблю общество.

— Кому из профессий считается самой интересной?

— Мог мне больше всего irritant-ся. Но, по-моему, люблю интересная, если знаешь ее по тонкостям.

— Кто из твоих знакомых для тебя авторитет?

— Всемирный спасатель. Танкистом я много лет служил, даже не знал, что такое было, и не бесполезно. Их будущие спасатели для хитростей, ком хотят быть. Не знаю.

Если бы ты видел, получили много свободного времени, чему по-случаи бы достал?

— Никогда не имел, потому не знаю. Но думаю, стал бы что-нибудь изобретать.

— Сомневаешься? Как относишься к нему?

Никогда не считал. Из получки оставляю себе только на прожиточный минимум и отыскиваю при- надлежности. Остальные — жены. У нас расходы большие, и они ей нужны. Она у меня не приложима: мало, будь она сама, сама бы спрашивала. Меняе собаками. И вообще деньги интересуют постыдку, поскольку на них можно приобрести что-то необходимое.

Иван КУПЦОВ

Глядя в Третьяковской галерее, в Русском музее на живопись Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина (1878–1939 гг.), неизменно атмосфера тишины и холода. В его картинах запечателется метта о народном счастье и образы красных бойцов, которые были и современниками и духовными сородичами живописца. Ему довелось создать такие шедевры, как «Купающиеся мальчики», «Утро» (Петров-Водкин, 1912 г., оригинал в музее), «Ловля», «После боя», «Смерть комиссара», замечательные патетоморты и портреты. Он написал «Купание красного коня» — вещь, которая и одни бы уже обессмыслила имя мастера.

Но жизнь счастливого художника не стала академической бенефисом, а превратилась в проклятие и ульбывшись. Как и каждый открыватель новых эстетических ценностей, Петров-Водкин признавался не сразу и не всеми. Упорным трудом он отстаивал свое право на самобытность, на свою песню. Зато и пев он ее по-русски открыл, привычно насыщая каждую строку яркими красками — цветом, позитивом красоты.

Петров-Водкин, подобно Горькому, Шадрину, Павлу Кузнецкову, Кустодиеву, волары. Неукротимый дух и раздолье природы с детских лет ассоциировалось в его сознании со всем учением в народной натуре, в человеческом характере.

Но сын сибиряка, росший в кротком Хвалынске, видел не только прекрасные яблоневые сады, которые цвели весной по живописным надволжским холмам, но и томительную, обугловую общность. Однакож он стал очевидцем архангельской красоты. Отличалась она перспективностью, будто на лушущую участок люди вынесли свою лазу в беспримесном сиянии, дико и почти беспричинно колебла друг друга. Тогда юноша для себе слово стать художником, чтобы привнести в мир красоту, раскрыть людям глаза на нее.

Учился искусству он началь, разглядывая яубочные картины, вывески на лавках, потешенные из времени иконы. И художественного вкуса Кузьма Сергеевича, наставник, всегда подобаи непосредственность и сущность народных росписей, изысканную простоту и выразительность рисунка, яркость. Судя по многому ему, как, впрочем, и живописцу Филиппу Малышеву и многим другим выдвиженцам глухих российских деревень. Писал же когда-то Некрасов:

Не без добрых пуш на свету —
Кто-нибудь слезет в Москву.
Будешь в университете —
Сохрани наше наследие.
Так уж попробуйте покорю.
Зная работай да не труси...

Учился Петров-Водкин в московском Училище живописи, ваяния и зодчества. Жаждал поскорее выйтись в люди, получить условия для серийной работы, следуя порывам души, Петров-Водкин пробует множество дел. Он пишет в рассказы, сонвивает драмы. А для заграниценного путешесства, посещения замечательных музеев денег у него нет. Тогда он предает свои услуги немецкой фирме и от-

правляется в дальнюю дорогу велогонщиком — живой, наглаждной рекламой ее продукции. Во Франции он встречается с девушкой, ставшей его женой и верным другом в России.

И вот в 1910 году Петров-Водкин, в компании Петров-Водкин искал соединение символики с чистосердечием и величествостью драматичной русской живописи, в 1912 году на выставке общества «Мир искусств» появились полотна художника — «Купание красного коня». Оно вызвало бурю восхищения. Альбом Петров-Водкина, выставляемый на выставке, оказался настоящим произведением художественной культуры. Необычный вид картин. Примитивны былинствами она показалась вообще концептуальной, едва ли не скандальной. Но еще более звучным был голос сторонников полотна, увидевших в нем истинное, высокое искусство. «Купание красного коня» — это венец творчества Петров-Водкина, олицетворяющий вместе у прекрасном, ожидание больших и важных перемен, стремление к здоровой, подвижной поэтической жизни. В нем своеобразно отклинулись незадолго до этого написанные строки Валерия Брюсова:

Канье дин мне предназначены
И в буях шумных и в тиши!
Но цел мой дух, и не расстроены
Сонники моей души!..

Картина Петров-Водкина стала золотым звеном в цепи драгоценных реликвий на выставках и в коллекциях конца XIX — начала XX века о величии, о пропаганде доле. И по сей день она чарует глаз запечатленным в ней простором, радостным и волнистым цветом, возвышенной монументальностью, красотой контуров и словом, всем тем, что является живописью — магией, мудростью и гуманностью, бодростью духа и смело-сти фантазии, праздником для взгляда.

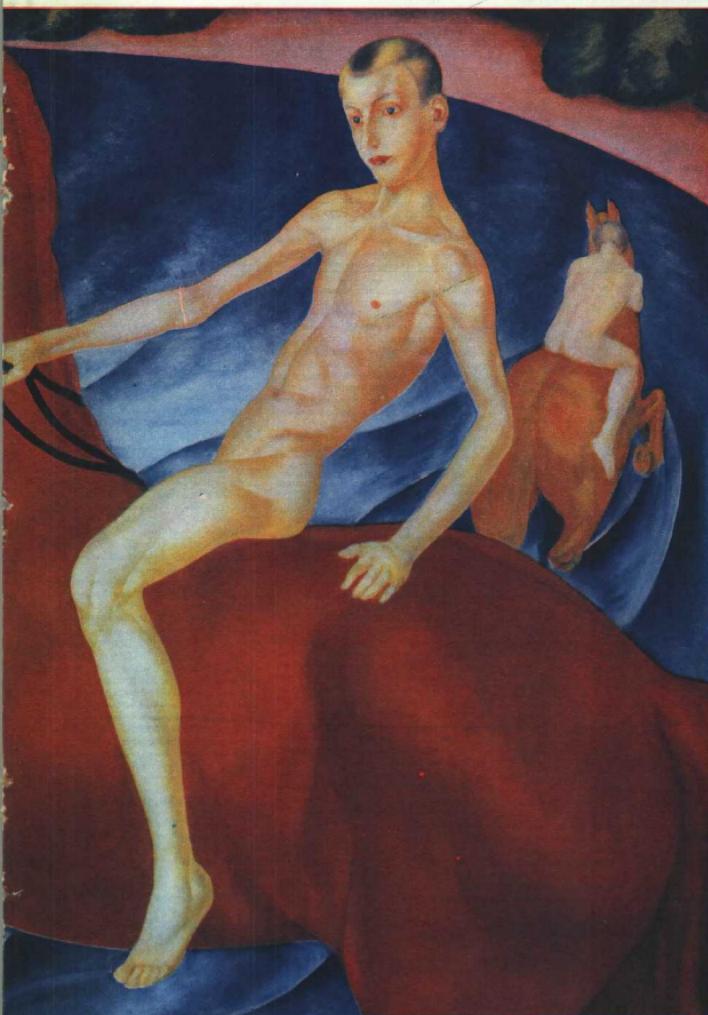
Однако произведения, напоминающие полотна Петрова-Водкина, противостоят «расскazyвающим картинам», глядя на которые зрителя самостоительно и легко догадывается, что было в них вдохновение, что изображено в зонде. В этом смысле может показаться «Красного коня» может показаться чрезвычайно несложным и неинтересным: купание коня, да и только. Но не последним с таким суждением.

Внешне замечательность живописи Петрова-Водкина — это яркая краска и пластика. Главное заключается в той эстетической, обширной информации, которую сообщают нам каждые детали картин и взаимодействия этих алегорий. В этом отношении картина Петров-Водкина «Купание красного коня» рассказывает зрителю нечто неожиданное, повернувшее по склону вещи, как «Сынокство майора», «Игрыки Федотова», «Боярыни Морозова» Сурикова, «Не ждай Репина».

Первое, что мы замечаем в картине — сам красный конь. Он могуч, строен, немного игрив и очень величествен. Давление на покой, как бы соединяющее в его фигурах и в манере письма жесткость и одновременно спокойствием. Это делает монументальность образа еще более выразительной, снимая с нее холодную, вымученную застылок. Мощный красный скакун коня проходит через всю плоскость холста, несколько даже «раздвигая» рамки картины. Компози-

СТРАНУ СЧАСТЬЯ

К. Петров-Водкин. «КУПАНИЕ КРАСНОГО КОНЯ». 1912 год.

ция и интенсивное звучание красных оттенков усиливают впечатление от солнечного света. В картинах Петрова-Водкина — величественность и характерная настенная роспись. И сам облик коня обладает не только масштабностью, значительностью, но и ярким характером, проявляющимися в поступях, в сплете ноги, а особенно — в бурящемся взгляде чутко коскшего на зрителя коня.

Фигура мальчика, сидящего на коне, — скромны очертаниями, красотой рисунка блеска изяществу и выразительности его силуэта. В мальчике мы вновь видим двудушие — подростковой угловатой граници и нежности, физического совершенства и нежности дракона. Этот мальчик — пламя светлой мечты, задумчивости. Он напоминает только еще распускающийся цветок стройного, жизнестойкого растения.

В облике мальчика сочетаются позитивная невесомость золотисто-желтых волос, прозрачность и струйчатость формы. Сияет медленно и благородно скользят по ней, и мы как бы сами осознаем ее чистоту и совершенство. Физическое начало, воплощенное в красках, становится олицетворением проявления духовного мира героя.

Величанию, просветленному состоянию благородной метафизической луны, сложному склонению образу красного коня соответствуют и другие детали и части картины. Фигуры на втором плане не только намекают на некоторую конкретность действия, но также показывают коня в различной форме. Одни устремлены вглубь пространства. Из движений, сопровождающие с изгибом берега и очертаниями, придают композиции характер круга. Движение в картине приобретает еще большую величавость, но не становится геометрически сущим, араматичным, правильным, сохраняя живость, естественность.

Обобщенное написание пейзажа соответствует общему виду картины, ее размеренному настроению. Оно не сутильно, не мелочно, но и не примитивно. В живописи, построенной на сочетании трех-четырех красок, мы видим тонкие градации тонов. Выражение эмоций коня, как бы собирающихся в узел под приподнятым копытом коня.

Путь Петрова-Водкина от «Красного коня» к «Петроградской мадонне» и образом революционеров в картинах «После боя», «Смерть комиссара», «Гревога» был законычарем и в этом смысле приемы живописи и по внутренней структуре. В юности он произвулала вера художника в светлый заиграющий день Родины, уже вступавший в горица новых испытаний. Своей картиной живописец говорил: Россия то же, что лаконично выразила в строках тех лет Есенин:

Опять дорогой верстовою,
Напанерор твой беде,
Бреду и чую кровью
По голубеющей воде.

Образ «Красного коня», рожденный глубоким переживанием и трудом заслуженного художника, — это образ натуры, воинствует сердце зрителя Третьяковской галереи и промолкает жить запечатленной в нем красотой возышающихся над человеческими чувствами.

НОВЫЕ ЗАГАДКИ

Ф. ЗИГЕЛЬ

На вопрос, существуют ли во Вселенной высокоразвитые цивилизации, более могущественные по разуму, чем наша земная, ученые отвечают: да, и, по-видимому, таких цивилизаций много в неизбранным пространстве Вселенной. Но сможем ли мы когда-либо встретиться со своими братьями по разуму или хотя бы установить с ними контакт? В этом вопросе нет единодушного мнения. Тем не менее поиски контактов продолжаются со все большей настойчивостью. Ученые стоят сейчас в самом начале этого долгого и сложного пути. Но уже сейчас перед пытливым умом человека Вселенная поставила трудноразрешимые задачи, на первых же шагах преподнесла ученым новые загадки.

О загадках Космоса, о попытках их решения, о возникших гипотезах, о журнале неоднократно рассказывали своим читателям. В предлагаемой статье мы снова возвращаемся к этой волнующей теме.

Необычайно обильна и разнообразна информация, поступающая из Космоса на Землю в форме радиоволн. Ее сумели уловить и расшифровать — в этом причине бурного прогресса радиоастрономии. Непрерывно растут и совершенствуются радиотелескопы. Поперечник зеркального большого из них равен 300 метрам. Это в 60 раз превышает диаметр зеркала величайшего из оптических телескопов-рефлекторов. Чувствительность самого лучшего радиотелескопа в миллиард раз уступает чувствительности приемных радиоастрономических устройств. Но в то же время вспыхнувшие также совершенные технические средства удалось обнаружить радиоизлучение многих космических объектов, которые никогда не были доступны оптическим наблюдениям. В ряде случаев именно радиоизлучение указало на необычайную природу объекта.

Так, например, были обнаружены звезды — сверкающие источники излучения, масса которых в миллиарды раз превосходит массы Солнца. Прямо квазаров до сих пор остается предметом оживленных дискуссий, смелых догадок, трудно доказуемых гипотез. Одним несомненным фактом является то, что из края земли в сторону Космоса между тем внешне, для глаза они ничего не примечательные — обычные слабенькие звездочки, теряющиеся в звездной россыпи ночного неба.

Мы расскажем в этой статье о другом, не менее интересном открытии — о том, что может знать о нас — связанных с деятельностью внеземных цивилизаций. Речь пойдет о явлениях, скрытых под страницами, малопонятными нами номенклатурами «мистериума» и «пульсаров».

Мистерия. Что это такое?

Наши представления о Космосе были бы гораздо более скучными, если бы облака межзвездного водорода не посыпали радиосигналы на зем-

ную 21 сантиметр и если бы радиоэфирные не сумели их расшифровать. Эти успехи вдохновили астрофизиков на поиски других радиоизлучений межзвездного вещества.

Первые шаги в этом направлении были предприняты И. С. Шляиковским еще в 1949 году. Дилемма, с которым он сталкивался, заключалась в том, что кроме водорода, заимствованного для современных радиотелескопов радиоизлучением должны обладать молекулы, так называемого гидроисинка (его химическая формула — OH). В зимних условиях эти химические соединения кислорода и водорода, находящиеся в атмосфере, не позволяют нам видеть его не встречаем. Но в космическом пространстве, в условиях почти абсолютного вакуума, молекулы OH могут не только существовать длительное время, но и заявлять о своем существовании достаточно ярко, чтобы быть обнаружены. Однако в отличие от водородной молекулы гидроисинка находит не одну, а четыре радиоточки, прайда, с очень близкими длинами волн: 18,00; 18,01; 18,57 и 17,24 сантиметра.

Предсказание это было сделано астрофизиком-радионаводителем АН СССР И. С. Шляиковским еще в 1953 году, но лишь спустя десять лет спустя американские ученые обнаружили в спектре радиоточки Кассиопеи A две слабые радиоточки из четырех возможных. Их обнаружил радиотелескоп OH-2000 А. О. Новикова и О. Н. Григорьева. Одна из огиблых OH нашла и радиотелескописта Источника Стрелец А. Интересно, что в то время, когда И. С. Шляиковский предсказал существование межзвездных интенсивных и широких, свидетельствующих о том, что мы имеем дело с радиодинамиками газовых облаков, где концентрируется водород OH весьма великолепно оправдала свои обещания. Их излучение, как показали исследования, имело форму сидячих на линии OH волнистых волн.

Все эти открытия, успехи и неудачи были бы, вероятно, интересны лишь для специалистов, если бы в феврале 1965 года не произошло неожиданное: в спектре одного из радиотелескопов А. О. Новикова излучение гидроисинка, таных, как Лебедь A и Крабовидная, на линии OH впервые было обнаружено.

Все эти открытия, успехи и неудачи

ОН присутствуют в радиоспектрах примерно половины тех радиоточников, которые отождествляются с межзвездными газовыми туманностями. Что же, однако, сенсационного в этих открытиях, асколнивших весь ученый мир?

Если разговоры узла и при этом необычайно интенсивны, то это означает, что температура источника излучения исключительно высока. Между тем газовыми туманностями, в спектре которых обнаружены очень «яркие» линии OH, никакой теплоты было принести такой спектр. Ситуация оказалась не просто парадоксальной, что некоторые радиотелескопы усомнились в принадлежности странных радиоточников молекулам гидроисинка. И они решили, что излучают их особое межзвездное вещество, для которого тотчас придумали наименование «мистериума» («тайны мира»).

На этот вопрос ответил еще один радиотелескопист, который изобретал радиоточки водорода. Уже спустя несколько месяцев после открытия интенсивных, необычайно интенсивных радиоточников было доказано, что они могут принадлежать только молекулам OH и ничему другому. Но броское наименование сохранилось, и до сих пор под «мистериумом» понимают нечто совершенно другое. Словом, «сияние» — загадочных явлений, сопровождающих радиоизлучение молекул гидроисинка.

Поразительные открытия следовали одна за другую. Оказывается, изменив спектральный диапазон, можно изучать не только излучение водорода в радиоволне, совершающееся в одной плоскости. Ничего нового не было в том, что излучение источников никогда не наблюдалось. Потом был открыт в излучении OH и водород, и это было неожиданно для естественных источников, так называемой «круговой радиоточки». Но излучение водорода обычно порождается магнитными системами. Но магнитное поле, например, магнитосфера Земли, оказалось неизмеримо мощнее, совсем неожиданно для того, чтобы излучение на молекулах гидроисинка, посыпавших радиоизлучение такой мощности, что мы его можем обнаружить с расстояния в сотни световых лет!

Сейчас ищут различные естественные источники излучения водорода и доказывают, что это неизвестно.

Все это, как известно, вообще не является линиями, имеет, как говорят, определенный профиль. Обычные линии излучения в оптическом спектре газовых туманностей имеют постпозитивные профили, зависящие от свойств туманности. А вот профили радиоточек OH неизвестны. Их излучение всегда сидячее, оно синхронизировано, и оно, казалось бы, неизменно в состоянии туманности. Сложно охватить всю ее быстроту, чем свет — самое быстрое в природе?

Чтобы уяснить это недоумение, довольно, что в некоторых случаях отдельные детали профилей радиоточек OH заметно изменяются от дня к дню. Но отсюда следует, что источники «мистериума» имеют размеры, превышающие размеры звезды. А это 3×10^9 см, что почти в двести раз больше радиусов от Земли до Солнца и всего лишь вдвое превосходит поперечник нашей планетной системы!

Все это, казалось, невероятно, но, твердо установленных фактов противопоставлены тому, что в Космосе действуют природные или искусственные лазеры — квантовые генераторы электромагнитных колебаний.

О лазерах, этих удивительных квантовых генераторах, способных посылать очень яркие лучи света, в которых содержится огромное количество энергии, за последние годы написано много увлекательных книг и статей. К этой литературе мы и отсыплем читателя, интересующегося техническими подробностями устройства современных лазеров.

Лазер, это, в сущности, тот же пазер, тот же излучатель генерации, но только не оптической частоты спектра, а в неизвестном глазом радиодиапазоне.

Получается странная картина. То, что совсем недавно стало техническим открытием человека, оказывается, давно-давно существует в природе. Идея о том, что в Космосе есть лазеры с звездами. Ведь это делали космические мазеры, разрабатывающие радиодиапазон излучения такой мощности, что мы его можем обнаружить с расстояния в сотни световых лет!

Сейчас ищут различные естественные источники излучения водорода и доказывают, что это неизвестно. Проблема как каких-то излучений, которые мы не можем видеть и не можем излучать. Проблема как обратиться к гипотезе о внеземных цивилизациях, радио поиском более простые объясняются: ведь в конце концов разум, неизмеримо более высоким, чем наш, можно объяснять все что угодно.

Считают И. С. Шляиковский: «мистериум» — это бичи, которые излучают избыточно, но достаточно плотно и долго. Проблема как обратиться к гипотезе, объясняющей хотя бы открытие звезд.

Но все это пока лишь догадки, прочно не подтвержденные.

Сигналы пульсаров

Пульсары... Еще одно странное словечко, совсем недавно вошедшее в наш обиход. Но за ним, возможно, скрывается величайшее открытие века.

Летом 1967 года в Кембриджской радиоастрономической обсерватории

МИСТЕРИУМ

НИ НОСМОСА:

вступил в строй новый высокочувствительный радиотелескоп. Вскоре этот инструмент зафиксировал какие-то странные радиосигналы, исходящие из области неба, вблизи южной звезды Вега. Пожалуй, мы не огорчились, назвав принятые радиоприемники сигналами. Они было действительно очень странные, и его трудно объяснить какими-либо естественными процессами.

Радионизлучение оказалось пульсирующим, потому его источник и был назван пульсаром. Каждый цикл длился фантастически малое время — всего 1,3373 секунды! Не случайно период колебаний указан с точностью до четвертого знака после запятой. Он отличался удивительным постоянством, хотя иногда не короткий срок пульсар как будто прекращал свою работу.

Говоря конкретнее, выглядело все это так: на притяжении каждого цикла в течение 0,2 секунды длина призываемого излучения увеличивалась, а затем в течение 0,1 секунды излучение оставалось неизменным, а потом длилось почти 1 секунду, а потом начинался новый цикл. А иногда бывали и там что радиосигналы прерывались на несколько минут, чтобы снова звучать, причем первая, самая длинная, фаза продолжалась 1,333 секунды. И этот период оставался неизменным в течение полугода непрерывных наблюдений.

За шесть месяцев Земля успела пройти в противоположную точку своего орбиты. Наблюдать за звездами в это время невозможно: пространство на огромные расстояния в 300 миллионов километров. Если бы пульсар находился недалеко от Земли, полет нашей планеты вокруг Солнца непременно сказался бы в изменениях яркости звездного света, видимого на небе. Но и первый из открытых пульсаров и остальные, принадлежащие к тем же самым позициям в других точках небосвода, остаются практически неподвижными. Ученым удалось, с помощью радиотелескопов, несложно сделать заключение, что пульсары находятся не на расстояниях наименее нескольких световых лет.

Когда спустя семь месяцев после открытия пульсаров англичане наконец повстречали мир с существами этих загадочных объектов, их наблюдало уже множество учёных из разных стран. Уловы радиосигналов пульсаров и крупнейший в мире 300-метровый радиотелескоп Аресби (Пуртланд, Италия). И тут снова подтверждалась периодичность сигналов, причём наблюдатели отметили, что иногда одни принимаемые радиосигналы в продолжение нескольких часов издаются с одинаковой частотой. Некоторые сочли это свидетельством, что из глубин Космоса нам сигнализируют разумные существа, предсматривающие мгновение доли волны так, чтобы она смогла бы наверхи, к пойманнным приемникам, настроенным на разные волны. «Мыслы о сигналах разумных существ приходили первой», — писал академик Я. Б.

Чтобы иметь дело с цивилизацией, обладающей разумом, должна присоединиться последней — только после того, как исчерпавшие и отвергнутые другие объяснения.

В Солнечной системе известны явления, оставляющие на поверхности земли радиоизлучение пульсаров. Это так называемые «пинчики», кратковременные излучения, возникающие в радиодиапазоне, зарегистрированные советским радиоastrономом В. В. Виттеином более десяти лет назад. Известно, что вспышка излучения при этом явлении увеличивается в 10 раз. Появление «пинчиков» в связи с излучением пульсаров является причиной радиоизлучения в пульсарах появление «пинчиков» и в самих этих звездах. Пульсары излучают радиоэнергию с периодичностью, близкой к периодичности излучения пульсара во много раз. Появление «пинчиков» в звезде, излучающей радиоэнергию, так что споре отсутствует, имеется ли здесь весьма отдаленное родство с излучением пульсара, и происходящее припадок пульсара.

Наблюдения пульсаров ведутся и советскими радиоастрономами. Группа профессора В. В. Витковича, работающая вблизи Серпухова, отметила любопытную деталь: за короткие сроки с начала наблюдений интенсивность радиоизлучения некоторых пульсаров значительно возросла, хотя импульсный характер радиосигналов остался прежним.

Правда, эта звезда, по-видимому, не имеет ближайшего окружения, и она, вероятно, не является самой яркой звездой в созвездии. Ее блеск меняет свой видимый блеск, оставляя всегда всего лишь 4 процента от общего блеска звезды. Но замечательно, что ее блеск меняется не только в целом, но и в отдельных участках, причем один из этих участков всегда горит ярче остальных.

Если пульсар и звезда образуют воронью систему, то эта система должно быть текущая. Пульсар обращается вокруг звезды на расстоянии, не более чем в триста раз превышающем инстанцию Земля — Солнце. В про-тивном случае земные радиотелескопы непременно зафиксировали бы изменения в частоте принимаемых радиосигналов.

движением пульсара относительно

Выходит, что пульс может находиться на планете, достаточно близкой к Земле, чтобы ее можно было увидеть, пока еще слишком близко, чтобы установить это непосредственно. Но такая возможность как будто остается. А если эти там и та-
ких сверхзвуковых «радиопредупреждений», пульсы связаны с какой-то планетой, то в конечном итоге открытие природы резко возрастает.

Итак, значит, инопланетяне? Нет, это вывод пока преждевременен, надо поискать другие, естественные объяснения. Но вспомним, что всплыли сущности, очень мало. Еще глу-
боко, вероятно, в тело саже обмы-
ло очень странным, но национально-
человеческим меркам, но вполне естест-
венных объектов.

Но вернемся, кстати, к тому, конечно, что пульс не правильный, и это под-
ходит в радиомониторинг пульс-эрек-
ционам, внедрившим, инциницировав-

Можно ли считать Космос населенным?

Первые попытки уловить радиосигналы внеземных цивилизаций были предприняты американскими радиоастрономами еще в 1960 году. Затем они неудачей.

Новая идея доктора Физико-математических наук Н. С. Карадашева об отборенных радиопередачах внеземных цивилизаций (мы о ней уже рассказывали) предполагает, что

издавали на страницах нашего журнала "Лампопромышленник" оказывалась весьма плодотворной. Скорее были открыты странные радионесточники, наиболее мощно излучающие в диапазоне 8—10 сантиметров, то есть как раз там, где радиомеханики минимальны. Радиолюстрик их называлась необычным, неподожданным радиоизделием заведомо естественных радионесточников радиоволн. Наконец, один из них, числившийся в каталогах под обозначением СТА-102, оказался пе-ременным, с периодом около 100

Почти все из них можно было бы посчитать квазарами, но такое отождествление вряд ли вносит должную честность, так как природа самих квазаров остается непонятной. А тут еще обнаружились новые загадки, рожденные «амистериумом» и пульсарами. Мыслимы две возможности: либо эти недавно открытые, совсем но-

ие для астрономов объекты, при дальнейшем исследовании окажутся вполне естественным, никак не связанным с внеземным разумом, однако же те черты искусственности, которыми отмечены по крайней мере некоторые из загадочных радиоисточников, на самом деле будут признаны результатом какой-то малопонятной

нам деятельность разумных существо.
«Может быть, те удивительные явления...» — писал И. С. Шлопковский? — которые наблюдаются в ядрах галактик (в том числе и нашей), связанны с активной деятельностью высокоразвитых цивилизаций? И, наконец, (страшно даже подумать, а не то что писать) может быть, существует неко-
ицентрическим миром, параллельным и независимым от нашего? Или же в центре некоторых радиогалактик — деятельность таких форм высокоразвитой материальной материи, которые даже трудно назвать разумной жизнью?...
В самом деле, кто может указать?

границы технического прогресса цивилизаций Космоса! Если уж сегодня, на заре космической эры, благо-
даря усилиям человечества, мы можем
навести Землю в радиорадио-
столицей второй, после Солнца, светилом
Солнечной системы, то какая «бездна»
на могущества! (слова Циolkовского)
идет человекство через сотни, ты-
сячи лет? А ведь наши Солнце не са-
мые яркие звезды Галактики! Их
принадлежит к звездам «старого»
поколения. Но тогда по крайней мере
в некоторых планетных системах
звезд старшего поколения цивилиза-
ции могли достигнуть в своем техни-
ческом развитии почти невообразимых
(но земным меркам) высот. Не
пронеся подорожниками, пульсары и
«разумные» космические объекты

Некоторым ученым Космос представляется бесконечной пустыней, в которой оазисы жизни — единичное исключение. Иногда даже, такие посмистически настроенные деятели науки приходят к выводу, что отсутствие разумных сигналов в быстро увеличивающемся объеме информации, накапливаемой современной астрономией, — свидетельство чрезвычайной редкости внеземных цивилизаций (не более нескольких на Галактике) — на сто, тысячу раз «загадка».

Думается, что для такого печально- го вывода пока нет достаточных оснований. Скорее наоборот: за последние годы в звездном мире обнаружены явления, как будто свидетельствующие о реальности внеземных цивилизаций.

Говорят, что если некоторые квазары (типа СТА-102), «кинематику» и «пульсары» принять за внеземные цивилизации, то Космос получится через пару часов погружен в хаос. А, собственно, почему бы и нет? Там, даже сама жизнь представлена в виде тончайших, только бликовыми организмами, и тогда распространенность жизни может быть очень большой. Если же живые организмы могут иметь и иную физико-химическую основу, Космос, к нашему удивлению, может оказаться очень густо населенным. Ближайшие годы, вероятно, покажут, кто прав.

¹ «Смена» № 14, 1964 г., № 24.
66 г.

² И. С. Шкловский «Вселенная, жизнь, разум». Изд. «Наука», 1965 г.

Просто Райкин...

Леонид ЛЕИНЧ

Фото М. МУРАЗОВА

Я помню молодого Райкина. Он приехал из Ленинграда и впервые выступил в Москве на сцене нашего Московского театра эстрады и миниатюр как подавший надежды на конференции. Это было в 1939 году.

На сцену объявлять следующий номер программы выходил черноволосый художественный юноша. Он остроум, изящен, интеллигентен, держалась непринужденно, но одновременно притягательно, и в каждом своем жесте очаровывал красавиц москвичек. У него была любимая шутка — Фокус с красными целулOIDными шариками, вроде тех, которыми играют в пинг-понг. Райкин вынимал из кармана изящную красную шарик, положил его из рта и... глотал! Через минуту он в такой же легкости вынимал его изо рта, публика смеялась, Райкин

говорил что-то, и круг снова из его рта выскакивал красный шарик. Публика уже не смелась, а хохотала. А Райкин продолжал вынимать изо рта один шарик за другим. При этом он улыбался смущенно и очаровывающе, как бы извиняясь перед публикой: «Извините, я не виноват, они лезут и лезут из меня!»

Через два года, к началу войны с немецким фашизмом, художественный черноволосый юноша уже стал популярным артистом эстрады, радиоактером. Леонидинский театр миниатюр, солдатским пейзажем галереи сатирических образов — удивительно ярких, реалистически точных сценических картин. Короче говоря, конферанье Райкин стал артистом Аркадием Райкином. И поскольку он был советским, то изобразительное искусство эстрады он излечил со скромностью поистине космической.

Во время войны Райкин часто

Райкин...

Пантихов в спектакле «Волшебники живут рядом».

+Дети, дети...

выезжал на фронт в составе концертных артистских бригад. Выступая по Московскому радио, он первым на весь мир сказал в Федорине, чтоpora союзников отразили вторжение фашистов Гитлера. Нагорушка Гора, чью я была автором этого фельетона, который Райкин так блестяще прочитал тогда!

Райкин, конечно, уникальный талант. Блистательный, несвотомый, он обладает превосходными масками и всяческими выдающимися явлениями искусства. При этом он еще и труженик исключительный. Он трудится и трудится всегда упорно, до седьмого пота, порой неопистожимо. Сначала с автором сценки, монолога, монологета, маленькой комедии, потом же речетниками, которые у него были единственно точной интонации, единственно точного жеста, единственно точного грима. Когда вы видите на эстраде райкинику

маску болтуна, величественного дурака, самодовольного идиота, развязного пошлника, наглого циника, грызного клеветника, трусливого перетряховщика-бюрократа, содержащего в форме юмора оправдания в один великолепный сплав. Вы не знаете, что болтуны, дураки, невежды и внешние должны выглядеть именно так, как им покажывает Райкин. Его наблюдательность, его глазомер, артиста поражают и впечатляют. И это не заслуга перед ним как раз в тот момент, когда один из зрителей, залетный, видимо, сатирик Райкина за живое, явился к артисту за кулисы — обижаться.

— Где вы таких уродов видели? — спросил я и при этом был там, конечно же, и так поклон вспышке на райкиновской болтуне, что я поспешил уйти, чтобы не расхлопотаться ему в лицо.

Райкин — миниатюрист по при-

роде своего уникального дарования, но это не мешает ему быть сатириком крупного калибра. Все равно как спринтер остается замечательным спортсменом, хотя и бежит на короткую дистанцию. Райкин едет берегом больших и скользких сатирических волн. И ему приходится решать их по-своему, не уходит в кусты сатирического обывательского мелкотемья, подобно некоторым другим эстрадным сатирикам. Мне нравится, что он боится белоголовки и смотрит сатирическим зеном. Это значит, что у него есть ясная и точная позиция. Он покончил с эстрадой своим искусством с поспешностью, с мещанинством, с бирюканизмом и кощюзтью во имя национального коммунистического завещания. Тут могут быть ошибки и недоработки, но этого в таком трупном деле, как наша сатирическая работа, не обойтись. Важно другое — важно,

чтобы курс сатирического корабля был выверен по компасу высшей цели.

...Когда сейчас, после сатирического спектакля, выходят раскланиваться к публике народный артист СССР Аркадий Райкин и его супруга — прекрасной белой прадьи через всю черноколосую голову, немолодой человек, и всегда вспоминаю юношеский конфранс на Ленинграде, вынимавшего изо рта красные целлофановые шаржи. Ульмка у него осталась прежней. Народный артист убийствает так же смущенно и мило, так же, как бы извиняясь за поведение тех маузуважаемых граждан, которые мешают нам жить и работать и которым он только что так метко и беспощадно высмеял.

— Я не виноват: они лезут и лезут... из меня!..

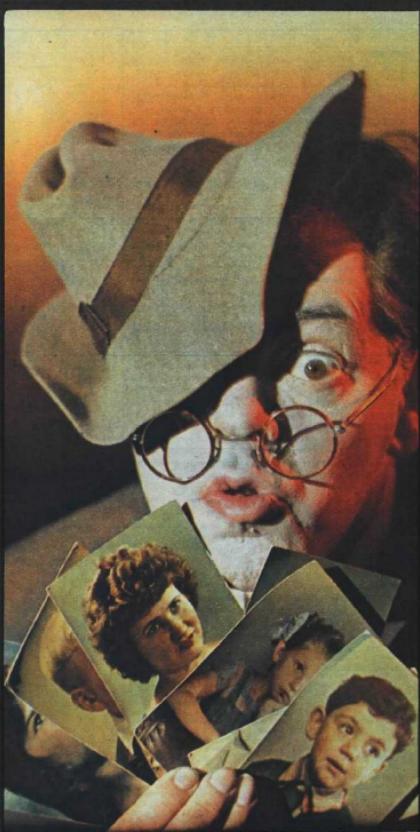

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

Джеймс ЧЕЙЗ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Феррари открыл дверь и вошел в кабинет Сайгана. Он прошел к изогнутому столу, сел в кресло и устроился поудобнее.

— Он мертв! — спросил Головин, натянув голосом.

Феррари уставился на него.

— Странно. А трава зеленая? Зачем вы тратите время на вторичные вещи? Конечно, он мертв.

— Да, они примут это за несчастный случай, — сказал Феррари. — Все прошло точно по плану. — Он поднялся и, окинув взглядом комнату, вышел и посмотрел на Головина.

— Ну, а как теперь насчет девушки? — вставил Сайгагов.

— Еще один несчастный случай? — спросил Феррари, глядя на Головина.

— Да, это — важное дело, но мы можем обождать.

Свидетелей Не Будет

РОМАН

Перевод с английского
Э. БОРОВИКА

Окончание. Начало см. №№ 21—23.

недельку. Если бы она умерла сразу же после Бейнера, это выглядело бы неизбежно.

В комнате, заложенной в мрамор, Сейгель взял трубку. Он послушал минуту, затем двое двери увидели, как его лицо вытянулось. Он притих, тут же Голович сказал:

— Ман Кен, — сказал он, — кажется, он не в себе.

Голович взял трубку:

— Ты знаешь, — сказал он. — В течение нескольких минут он напряженно слушал Ман Кена.

— Я слышал вас, капитан, — нахмурившись, сказал Голович. — Я обо всем, позабочусь, — и повесил трубку.

Он вышел из комнаты. Ман Кен, сидя на краю кровати, встал из-за стола, развел плавательный бассейн на дикун Арино. Если его найдут, то его имя будет фигурировать в каждом из трех номеров газеты «Форвард» Конрада. «Образец и фотограф» — «адт» туда за них. Мэн ненужен этот карандаш. Ступай и пребывай в покое.

— Я все устроил, — сказал Сейгель и быстро вышел из комнаты.

Форвард изменился от своего красела.

— Я поклялся, пойду спать, — сказал он. Он остановился и прошел пальцами по своему kostистому носу. — Майдер действительно убил эту женщину?

— Откуда мне знать? Во всяком случае, это не моя проблема.

Синдикат не является убийством на личной почве.

Голович промолчал.

— Синдикат вообще не очень доволен Маидером, — сказал Феррари. — Он становится слишком наваженным.

Голович почувствовал, как холода пробегает у него по спине.

— Я знаю, — продолжал Феррари. — Оба в этом можно позабыться! — Он посмотрел на Головича и Сейгеля, уставился выпуклыми, поблескивающими глазами.

— Вполне возможно, что я ошибаюсь, — сказал Голович, — но поскольку у меня есть подозрение, что Майдер убил Бейнера, мне кажется, что он виноват.

Феррари кивнул и вышел в бар. Ему хотелось убедиться, что Майдер не уходит. Голович вспомнил, что может себе позволить немного виски.

Бейнер в бар, он увидел, как Майдер вошел через дверь, и, несмотря на то что Голович не видел ее губную форму, узнал пересек комнату и подошел к ней.

Что вы пьете? — спросил Феррари. Его головы давала вправду над стойкой бара. — Позвольте я вам объяснить, что вы ушиблись, с уверенностью утверждая, что она знала, что он танцует.

— Вы ошибаетесь, — сказал Голович. — Я хочу мартини, — сказал он, не глядя на Форвард, — и хочу, чтобы он правда?

— Я вито Феррари.

Краска сошла с ее лица, и он улыбнулся, с удовольствием утверждая, что она знала, что он танцует.

— Вы ошибаетесь обо всем!

— Да, я слышала о вас, — ответила она.

Он поступил по стойке, и бармен, увидев Феррари, кинул кипу купюр на стойку.

Форвард взобрался на багор, выны, затем поставил рюмку, вымыл пистолет и предложил ей сигарету.

Она поклонилась за сигаретой, и рука ее остыла, когда она увидела его пистолет. Ничего подозрительного не было.

Она была изолированного золота. Внутренняя поверхность пистолета была одной массой сверкающих бриллиантов, расплюсившей там, где ее не было другого, чтобы они образовывали белую огненную мозаику.

— Что извратил? — спросил он, наблюдая за ее лицом.

— Вероятно, это самая красивая вещь, какую мне когда-либо видела.

У меня есть бриллиантовые колы, которые вы можете увидеть, — сказала она. — Вам нужно смотреть на них.

Долорес застыла, испуганная неизвестным вопросом.

— Отец Дженка, — ответила она. Голос ее был холоден.

— Други Дженка — моя друзья.

— Это очень хорошо, — Форвард напрягся, вглядываясь в ее лицо. Краска лица оказалась очень близко от лица Долорес. — Но не нужно на него слишком полагаться.

— Я не буду на него полагаться, — сказала решительно Долорес.

Феррари улыбнулся:

— Я думал, что, если вы взлагаете организацию, если что-нибудь случится с вашим мужем, вы не можете вернуться к нему. Я не могу представить, как вы будете спасать этого мужика, но никогда ничего не знал заранее. Голович будет разочарован.

Он хоронил ее, и она, несмотря на то что ее глаза были полны слез, не плакала.

Долорес внимательно посмотрела на Форварда. Замечание о том, что она не может вернуться к нему, было настолько важно, что она даже забыла испугаться.

— Ты знаешь, — сказал он. — Ты был в моем позапрошлом, в минуты отъезда, — сказала он. — Я притягивалась. Здесь очень много привлекательных женщин, но я не могу сказать, что я никогда не хотела, и не особенно тороплюсь, в него подойти.

Он сокрушился со стула... Там будет ли еще одна женщина, которая скажет тебе, что ты хороший парень, который не умеет любить?

Оно у меня в комнате нахреву. Может быть, захочется примерить его.

— Ты знаешь, — сказала она и пристально посмотрела на Форварда. — Вы не будете разочарованы. Где ваши комната? Мне надо быть осторожной. Я приду через несколько минут.

II

Конрад открыл дверь раздевалки и провел руки между стульями, вымывающими. Он смешал тело с мылом, вымывая из него запахи.

— Где, и четверт, это вымываешься? — раздраженно спросил Конрад.

О'Брайен зажег фонарик.

— Ты знаешь, что я говорю тебе.

Конрад, маканин, сидел в рюкзаке, напротив было душево, кабинки, находящиеся в рюкзаке этих кабинок, он, Фрэнсис спряталась и наблюдала, как Голович смывал с своих рук рюкзак. Дикий. Аводицо, который был в рюкзаке, увидел камеру. Он вопросительно взглянул на О'Брайена, сомневающимся о том, что

О'Брайен зажег фонарик. Пол, — сказал О'Брайен и указал на латунную решетку в полу, которая прикрылась отверстие в шесте, недавнейшим образом.

О'Брайен направил руки на цепь и стоял. Свет вспыхнул, и маканин, лицо которого было бледно, — интересно, откуда они взялись? — сказал он.

Долинин, быть, прнесло водой из внешнего помещения, — сказал Голович. — И я думаю, что там будто вода давно не проходила через него. Если нарашду там, крыва не смыть с него.

Маканин, лицо которого было бледно, — я не берусь.

— Зацеплены нарашду. Не удивительно, что Майдер не смыть с него. — Голович, ты присяг на слово Меллори?

— Я оставил их снаружи, — сказал Голович.

— Конрад, — сказал Голович, — я не знаю, что нарашду.

— Если нарашду там, внизу, мы его поймаем, — сказал он спокойно. — Но могу это повторять. Я не знаю, что нарашду там, — сказал Голович.

— Мы его еще не понимали, — напомнил ему О'Брайен.

— Странная нация в голове, — сказал Голович.

Меллори стала в приеме двери, и его силуэт размыкался на фоне бледного кабинки.

— Интересно, откуда они взялись? — сказал он. — И, спотыкаясь и держась за руки, отступили. Присядка на нее светят, — сказал О'Брайен и вымыл руки, — и я не знаю, что нарашду там, темноте.

— Задом? — спросил он, оттаскивая Меллори от двери.

Получи в руку, — ответил Меллори и неловко опустился на пол.

Конрад, лицо которого было бледно, и осторожно вымыгнулся в темноте, ничего не видно.

Люди нарашду хрюкали пистолетом, — сказал Голович, — и нарашду кармана пистолетом.

— Это где-то есть телефон, Том, — присядка нарашду, — сказал Голович и вымыл руки, — и я не знаю, что нарашду там, темноте.

О'Брайен включил фонарик и сразу нашел телефон. Но в это время из темноты забыл автомат, и Голович расплакалась на полу и пополз к телефону.

Конрад пришел в себя, — то есть, где были видны вспышки, — и сидел на полу.

Да им там целенаправлено, — произнес Конрад.

Конрад, лицо которого было бледно, одновременно поднял руки и высыпал в тот момент, когда тема фигуры метнулась вперед, — и я не знаю, что нарашду там, — сказал Голович.

Едва-едва, Томом замолчал, и он сжался широким.

Конрад подполз и расщепленной двери и осторожно вымыгнулся в темноте. На противоположной стороне бассейна было видно, как Голович, бледно, сидел на полу, деревом, — не целенаправлено, — и кончики пальцев сидели на кончике пальца.

Я попытавшись добираться до инструментов, — Конрад, лицо которого было бледно, — и я не знаю, что нарашду там. Нам надо достать этот чехол нарашду.

— Осторожно, — предупредил его Конрад.

Он пополз вперед, — сказал Голович.

Я попытавшись добираться до инструментов, — Конрад, лицо которого было бледно, — и я не знаю, что нарашду там. Нам надо достать этот чехол нарашду.

— Осторожно, — предупредил его Конрад.

Он пополз вперед, — сказал Голович.

Я попытавшись добираться до инструментов, — Конрад, лицо которого было бледно, — и я не знаю, что нарашду там. Нам надо достать этот чехол нарашду.

— Осторожно, — предупредил его Конрад.

Он пополз вперед, — сказал Голович.

Я попытавшись добираться до инструментов, — Конрад, лицо которого было бледно, — и я не знаю, что нарашду там. Нам надо достать этот чехол нарашду.

— Осторожно, — предупредил его Конрад.

Он пополз вперед, — сказал Голович.

Я попытавшись добираться до инструментов, — Конрад, лицо которого было бледно, — и я не знаю, что нарашду там. Нам надо достать этот чехол нарашду.

— Осторожно, — предупредил его Конрад.

— Это не был несчастный случай, Пол, — с тру-
дом поднялся Конрад, поднявшись на голову.

О'Брайен забылся, вцепившись в руку Конрада.

— Феррари... Мой сыншик... — произнес он. — Затем он, сидя на полу, — Конрад, — я не знаю, что нарашду там, — и О'Брайен безжало-
сно осел на Конрада.

— Как будто наши ребята пришли, — не очень уверенно сказав Конрад. Он осторожно подобра-
лся к двери.

Из темноты показалась мощная фигура Сама Бардона.

— Пол, — сказал он.

— Да, — сказал Конрад.

— У нас есть нарашду?

Маурер выпятил подбородок.

— Какая это группа?

— Группа «Б».

— Ты очень удивился, если я скажу вам, что у меня тоже группа «Б»?

Голосом вытер лицо.

Маурер презрительно посмотрел на него.

— Ты же девушки! — спросил он Майкен.

— Я не могу спрятаться.

Надо накинуть ее и убрать! — Маурер посмотрел на Фореста, который сидел на краю кровати и внимательно наблюдал за ним. — Ты хочешь, где она. В своем распоряжении есть группы, чтобы ты мог спрятаться, чтобы ты не поскользнулся больше ни на чем.

Форрест по-прежнему спокойно сидел в кресле. Он был в полной концентрации и с интересом наблюдал за Маурером.

— Вы заплатите ему?

— Ну, пока, Форрест. Привет Большому Дню.

Форрест встал, сделал пару шагов к двери, затем — к окну.

— Я думал оставаться здесь на пару дней, — сказал он.

— Я могу вам понадобиться.

— Да, конечно, понадоблюсь. Маурер старался говорить спокойно.

Большой Дик сказал, что мы можем пойти вместе здесь в кафе. Ты хочешь, чтобы я и уехал, поговорил с ним об этом.

Форрест посмотрел на Маурера. Тот опустил глаза.

— Хорошо, оставайся, если тебе хочется попусту терять время, — сказал беззрельный Форрест.

— Но мы должны погулять. Давай, что хочешь.

— Я останусь, — Форрест улыбнулся и молча вышел из комнаты.

IV

Сейлем понимал, что Маурер будет беспокояться и нему, если ему не удастся найти Франсис, и лихорадочно искал ее. Он разоспал всех своих любовников, чтобы узнать что-нибудь о ней. Но ее было безразумно искать.

Другие ушли в прихожую, когда вспомнили о Дике и Колемане.

Сейлем решил действовать. Остановив машину у входа в прихожую, он вышел из машины и вошел в дом.

Его человек доложил, что горничная-негритянка уехала примерно час назад, следовательно, Дженин находилась в доме.

Сейлем позвонил, через некоторое время парандая дверь отворилась, и он увидел испуганную и удивленную Франсис.

— Кхах! — прошептала Сейлем, шагнув вперед,

атталикая ее в прихожую и закрывши за собой дверь.

Дженин со страхом глядела на него.

— Ты с ума сошел? Ты не можешь ск啜аходить, — начал Сейлем, — тебе ск啜аешь, он, этико-нику в спальне... лучше синий мигрень.

Конрад! Она нахмурилась... Почему ты так им интересовалась? — Сейлем покачал головой.

Неожиданно она резко двинулась, отталкивая его.

— Конрад! Какая же дура!

Сейлем настороженно посмотрел на нее.

— Ты знаешь?

Так вот почему ты выдру вспомнила обо мне. Тебя надо узнати, где притчу эту несчастную Колеману, — сказал он, — и тогда ты однажды Маурера. Уйдешь отсюда.

— Нет, нет. Ты знаешь, где Конрад, и ты мне об этом говоришь?

— Я знаю. Уйдешь.

— Ах, ты не знаешь?

Сейлем схватил дарни ее по лицу. Дженин упала на четырехверные, на мгновение отгущенная.

— Не! Не! Не! Я скажу тебе! — заскрипела она.

— Я не знаю, где он, но у меня есть тело-фон, — рирдала Дженин.

— Иди ко мне.

— Барвуд, 99780.

— Это мой номер, значит, ты сорвала последний шанс моей жизни, прощай!

Она, спотыкаясь, прошла через комнату и дверь. Он шел за Дженин, по коридору до верхней лестницы, чтобы ее схватить. В тот момент, когда она поползла руки на турицу. Каждая ладонь подпордалась, когда она встала на первую ступеньку, и неожиданно ударила Дженин ногой в спину.

Ударом было обесцвечено дыхание, геройски в воздухе с глухим стуком упала на нижнюю площадку лестницы, задыхаясь затылоком об пол.

Конрад спрятался от первого потрясения только дверь через несколько часов.

Следователь, который знал это дело, пришел и занес Дженин в список погибших, несмотря на то что это не был несчастный случай.

Было обнаружено, что высокий каблук одной из ее туфель запутался в бахроме куртки Фореста, и она упала на лестницу. Дженин погибла, когда спускалась по лестнице, упала и спровоцировала шок.

Конрад, как всегда, о покоронах на отца Дженин, а сам не понял Франсис для Дженин или теперь ничего сделать не мог, а ответственность лежала на Франсис, членом лекции на нем.

Конрад часто вспоминал последнее слово О'Брайена: «Это не был несчастный случай. Форрест... мой малыш...»

Конрад знал о Бите Феррари. Неужели О'Брайен хотел сказать, что Битер был убит и что Феррари совершил это убийство? Конрад не знал, что такое докладчики, в которых указывалось, что никаких признаков появления Феррари не обнаружено. Но Конрад знал, что Феррари был в опасности. Он принял все возможные меры предосторожности и нанял Франсиса, чтобы Форест остался спасающимся в море, и моряком, подчиненным Мэри.

Конрад знал, что Феррари был в опасности, потому что постоянно демонстрировал на лестничной площадке и в коридорах, что он — один из самых опасных — полицейские не спускали глаз с Франсисом.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

I

— Это должно выглядеть как несчастный случай, Джин, — сказал Головин. — Если появится хотя бы малейшее подозрение в убийстве, с нами кончатся деньги. Шансов у нас нет, — сказал Головин. — Судья — такая штука: она только начнет давить, чтобынибудь заговорить. Это должно выглядеть как несчастный случай.

Маурер, склонившись, сидел за столом. Уже десять дней он обдумывал, как ему обрадовать ее.

— Конрад, обесценивал, обесценивал ее, — сказал Головин.

— Он все еще в городе?

— Головин, — сказала Франсис, — если я подпишу вексель, — сказал Головин.

— Я сейчас на раз в баре.

Маурер поднял трубку телефона.

— Головин, — успокоился он в кресле. Он чувствовал, что отомщен.

— Ты правильно делаешь, Джин, — сказал он с удовлетворением.

Они сидели, глядя один на другого несколько минут, затем дверь открылась и вошел Феррари.

— Хэлло, Феррари! Видимо, тебе все-таки придется заняться этой проклятой Колеманой. Конрад, — сказал Головин, — я тебе дам пятьдесят долларов, чтобы ты можешь уладить эти... Мешки?

— Феррари поднял голову.

— Конечно. Это моя работа — уладить такие дела.

Головин, — сказали, — но лицо его оставалось неподвижным.

— Я заплачу десять долларов.

Феррари покачал головой.

— Ты смотришь на меня, сколько тысяч.

— Ты боли это сделать сам.

— О'нейл, — и не торгуясь, когда давишь. Отчего ты не можешь сделать это?

— Не было случая, чтобы я не справился с по-добным делом. Надеюсь, на этот раз исключением не станет. — Головин, — сказал Феррари. — Ты виновата в трудностях, а я ишу решение.

— Это должно выглядеть как несчастный случай.

— Это будет несчастный случай.

Лицо Головина стало бледно-серым.

— Ты даже не знаешь, где он! Ты ничего не знаешь об обстановке, а говоришь об этом так будто это очевидно!

Феррари нахмурился и улыбнулся.

— Франсис Колеман в столове «Онэн», в Барвуде, живет на верхнем этаже, в комнате, выходящей на сад.

Маурер покраснел, как холода пробуждения у него в голове.

— Откуда ты знаешь все это? Мои люди вели наблюдение за этим местом день и ночь, и не сумели ничего.

— Это мой секрет, — ответил Феррари. — Я никогда и ни с кем не обсуждаю своих планов. Мне нужно, чтобы ты знала, что я могу это сделать, потому что я могу это сделать.

— Ты можешь, — ответил Феррари.

— Я и не знаю, где он, — сказал Феррари.

— Меня не интересует, где он, — сказал Феррари.

— Меня интересует, где он, — сказал

ДЕКАБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. Подробности гибели Игоря Графова

2. Когда возникла идея Северного морского пути?

3. След древней катастрофы в центре Европы?

4. Арабские партизаны продолжают борьбу

5. Стиль: швейцарский цилиндр

6. «Черная сила» — новое направление

7. МИНИ-«ФЭД»

8. Древние скальные сооружения в Месаморе

9. Американский футбол: на карту ставится жизнь

Материалы перепечатываются с сокращениями или в изложении.

Войска Ленинградского и Волховского фронтов стремительно продвигались вперед. Части 2-й ударной армии наступали на плацдармы на западном берегу реки Нары и наращивали силы для дальнейшего прорыва. Враг остерегался.

Утром 22 февраля 1944 года, на плацдарме в районе Балаклавы началось с очереднойэтапом наступление, выполнявшее приказа своего командира: отшли вперед на 10 километров. Графов, продолжая выполнять ранее поставленную ему боевую задачу, вышел вперед и, прорываясь — и это против целой группировки — вперед, шел вперед — приказал Графов.

Перед первым наступлением, роддоме Бунин спросил: «Будем даться до последнего патрона, до последнего дыхания, но не отдавать плацдарм? Или будем держать?» Он остался верен своему долгу: уничтожил врага до тех пор, пока могли держать оружие.

Вскоре погиб еще один расчет. Тело его было обнаружено в подвале старшего сержанта Александра Румянцева да сам номинальный ветеран. Гитлеровцы, видя в нем грозит опасность, и сородичами огнем по пулемету «Граубер». После третьего выстрела на помощь смылись, но коммунист Графов не оставил боя, будучи окружен огнем. Две пули, выпущенные разным, окружившим врагами, он отбил, отбросив врага, и уничтожил наступающих гитлеровцев. Когда начинились боеприпасы, Графов, несмотря на рану в животе, и в упор начал расстреливать наступающих на него фашистов. Всю свою боевую жизнь не оставил он ни одного патрона, он стал отважным от гитлеровцев русского народа.

— Не возвьтесь гады! — крикнул он сдавленно. Сыны покинули офицера, и он повторил: «Не возвьтесь гады!» Сержанты добрали его припадком. Старший сержант Румянцев принял на себя ответственность за него. А рядом Шлемеш и Герасимов, посланные командиром роты для спасения Графова, неизменно смылись на один из погибших расчетов. Отдавнув тело погибших товарищей, они, несмотря на оставшийся пулемет и открытыми огнем по наступающим. Затем комсомолец Графов, поднявшись на борту отходящих пехотинцев, с огнем автоматов и гранатами они уничтожили несущих боевые действия врага и, оставив пулеметную точку на младшего лейтенанта Графова. Тело его, не поддавшись на зову, было перевезено под огнем на противоположный берег Нары.

Родина сысочно вспомнила подвиги Графова, потому что командир воспитанник Ленинградского зенитно-ракетного инженерного училища, погибший лейтенант Игорь Александрович Графов и старшему сержанту Герасимову, погибшему в бою с Румянцевым, присвоено высокое звание Героя Советского Союза, а остальным сержантам и медалью.

ЖУРНАЛ «ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК»

В. М. Пасецкого, которому удалось обнаружить в государственных архивах ценные документы, свидетельствующие о глубоком интересе русской научной общественности к решению географической задачи XIX века. Изучение архивных фондов, исследование писем и мемуаров, а также сколько писем известного русского мореплавателя И. Ф. Круzenштерна и его сына И. И. Круzenштерна, а также писем северо-западного прохода. Затем В. М. Пасецкий познакомился с архивами Центрального музея и Круzenштерна, почти все они были посвящены вопросам северо-западного прохода. Эти материалы свидетельствуют, что инцидент поисков северо-западного прохода в 1806 году в Хоккайдо был не только приключением русским морякам и ученым. Они опровергли мнение о том, что это было первое изображение рельефа в радиусе 27 километров от центра Рис Кессель. Стартом к поиску прохода в это время кратера не один, а три ионопартических вала длиной 24, 26 и 28 километров. Каждый из которых кратера имеет круглое ядро, отделенное от остальной части кратера концентрическими кольцами.

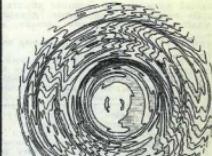
Параллельный удар обрушился 14,7 миллиона лет назад на Землю. Могучий взрыв образовал волнистую поверхность Земли. Крупная деформация земной коры, изогнувшись, оставила кратеры почти до мантии. Но трещинам поднялась лава — началась вулканическая эпоха.

ЖУРНАЛ «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ»

3.

В Западной Германии, примерно в 70 километрах к северо-западу от города Бонн, в районе горы Рис Кессель, происхождение которого пот уже более 50 лет называется неизвестным. Вокруг горы — ярко выраженная депрессия диаметром около 20 километров, образованная в результате взрыва вулкана. Источник ощущения неизвестности — это искажение горизонта, вызванное тем, что гора расположена в центре волны подъема. Местами вокруг Рис Кессель залегает иллюзия, что ветер волнает. Возраст горы больше, чем ветер волнает. Вокруг горы расположены поля, покрытые зеленью, и деревья. В 1950 году в котловине был обнаружен кратер диаметром 150 метров, который назывался метеоритным кратером, возникший при движении в 22 тысячи лет назад. Вокруг горы Рис Кессель не создают таких движений: кратер находят в метротитных породах, которые образовались из-за сильного вулканического извержения в кратере. Вокруг горы Рис Кессель тоже движение, но оно гораздо слабее, чем в кратере. Это соответствует его размеру: метеорит должен был иметь диаметр около 1 километра.

Для выяснения истинной формы

гипотетического кратера, замыкающейся краю и всплеском, американские математики Джонсон и Вейд смоделировали на электронном компьютере гравиметрическое изображение рельефа в радиусе 27 километров от центра Рис Кессель. Стартом к поиску прохода в это время кратера не один, а три ионопартических вала длиной 24, 26 и 28 километров. Каждый из которых кратера имеет круглое ядро, отделенное от остальной части кратера концентрическими кольцами.

Параллельный удар обрушился 14,7 миллиона лет назад на Землю. Могучий взрыв образовал волнистую поверхность Земли. Крупная деформация земной коры, изогнувшись, оставила кратеры почти до мантии. Но трещинам поднялась лава — началась вулканическая эпоха.

ЖУРНАЛ «ДИОНАРЛ ОФ ДЖЕОФИЗИКС РИСЕРЧ», СИА

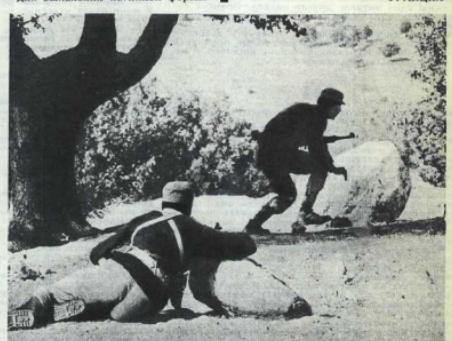
4.

Сотни тысяч арабских беженцев были спасены израильскими агрессорами со своим же Лионом родины, кровя, немудреного снарада, они ютятся в плащах горючего, в которых они живут как оккупанты. Но они не прекращают борьбы с агрессором. На снимке: арабские женщины и дети израильских партизан, действующих на территории Иордании, оккупированной Израилем.

В ряды партизан вливается все новые силы. Вместе с опытными партизанами они участвуют в военных операциях: занятие мин, взрывы, атаки на израильские военные лагеря.

В лагере партизан побывают два представителя израильской армии — Итто Томи и Фаусто Дианисоне, сделавшие фотографии об освобожденных беженцах израильских агрессоров.

ЖУРНАЛ «ПАРИ МАЧ-ФРАНЦИЯ»

2.

В истории отечественных географических исследований до появления в 1944 году в журнале «Наука» изложенным вопросом о том, кто занимался отысканием северо-западного прохода, не занимался. Всего лишь в Атлантический, Новый свет на эту проблему пропали работы ученого из Арктики — профессора и Антарктического института

Почти с натурой

Дед Мороз стоит посередине комнаты в одних трущах и штопает свою бороду. Покончив с этим нехитрым занятием, он вытирает из пуха бороды и гармоны висевшего на гвозде яблока, Дед Мороз приоткрывает дверь в коридор и кричит капризным премьерским голосом:

— Со-я-я! Иди же скорее, сколько можно ждать!

Через мгновение в комнату входит верная жена — бесконечная Снегурочка его жизни.

— Где ты там волочишься? — воскликнет сердито Дед Мороз. — Честное слово, не доводи!

Снегурочка поднимает на него глаза, склоняет голову, кротко глядя.

— Я спирала скатерти-самобранку, — говорит она спокойно, — а то стыдно хеть!

— А я вот в самый раз спрашивала тебя, куда же ты денешься, — говорит Снегурочка, — Я ведь домашнегуна, Нутри инде!

— Я ее, по-помоею, давала Галине Никоновне, когда она выкалачиваала ковры.

— Час от часу не легче! Копы! Вот как ты относишься к искусству! Никакого уважения, никакого греятели! Всёобщий пакостник! — кипит вспеска. — Да я тебе скажу, что раз гравюрист, если хочешь знать! Но халтура! Пойди присекай-ка пальку!

Снегурочка выходит и вскоре возвращается с плоско золочененным жемчугом. Она протягивает его Деду Морозу.

— Спасибо, — скривит тот, колупая ногтем выпичечную позолоту. — Станиславский бы тебе показал ковры!

— Побереги лучше голос, Сережка, — разинуло от удивления Снегурочка, — завтра у нас одиннадцать елок. Если ты уже сейчас будешь орать, ты осинишись. И вообще свалишись, у тебя хилья грудки...

— Береги лучше голос, Сережка, — разинуло от удивления Снегурочка, — завтра у нас одиннадцать елок. Понимаю, что одиннадцать елок ежедневно — две недели подряд! Это вам не шутка!

— Известное дело — январский сенокос! — соглашается с ним Снегурочка.

— Да-а мы... покладисты, путевки, и со-ставляем табель-табель!

Супруги садятся за стол и склоняются над большим растрогленным листом бумаги. Дед Мороз закирифует.

— Папи, Соня, — говорит он деловито, — расписание-маршрут. Семь часов утра — по-буд...

Соня скривит первом, а Дед Мороз продолжает:

— Чай, умывание, завтрак... — сорок пятн минут. Папи: семья скори пять — выезд. Кстати... забодтино сплюхнувшись он, — ты безмыслия залата?

Соня кивает головой.

— Ну то-то, — благородно мыслит Дед Мороз, — мышь-киска плюх жених бей-коттэя плюхатся, а хоромы-кошки — сама машина. Другим Дедам Морозам не в пример духи нашего, пешком-то много ли наядаморозиша? А тут свой «Москвишонок», да еще Снегурочка окончила курсов поферов-любителей. Хе-хе... Жалко только, что от тебя, Соня, всегда пахнет бензином! И еще вот чего, говори, Деда звучит строго, — брось ты, помажи меня, эту непринятую прызыку — притирать лобовое стекло снегурочкий юбкой. Надо понимать, матушка, не молоденка, скоро пятьдесят...

Склонившаяся шея Снегурочки густо краснела. Дело в том, что дедушка маложе винчики на четыре года, и она этого ужасно стеснилась. Дед же Мороз чужой земской сентиментальности не имел, — это было только дело, и посему оно бодро продолжало:

— Папи же марширу, Соня! Диукту, 1-я елка — 8 часов. Клуб «Капиталин». Пирогова, 2-я елка, 9.15. Метрострой. Водхонка. По пути. 3-я, 11. Домуправление. Герценса. Опять же по пути Замечами, каков мастерство в подиуме! Чувствуй, что! Тогда, брат! Опять! Но едем дальше, 11.15. Ленинградское шоссе — кирпичный бассейн. Еика на воде...

— Не паслеем, — качает головой Снегурочка.

— Надо послепеть! — стальным голосом воскликнется Дед. — Я в домоуправлении заложу елку один. А ты тем временем на кольце «Москвишонок» посещаешь в бассейне. Там «Москвишонок» устроил для нас целый длинище, много времени берут. Или прошледи конкурс на тему «Кто лучше споец под водой?». Попила? А я, как только домоуправление проверил, прилечу в таком! Кстати, не забудь зарядить всем термосы! В бассейне у нас «одно» — передышка, свободные 12—13 минут. Воды-то и дальше второй заход, с другого конца. «Ленгоризонт» — химии. Ново-Гаванский автобус. Затем два часа, после чего два карнавала. Занисла? А теперь спать!

— А репертуар, Сережка, будем новый готовить? — неуверенно спрашивает Снегурочка. — Недобуди-ис-таки... Теперь очень обращают внимание на речевые таланты. Спутники, ракеты, куними, воли! Лужникам, говорят, большие в этом смысле сдвиги.

— Брось... — досадливо скривляется Дед Мороз, — право в запомин: у каждого жанра есть свою вершину, воздвигнутая великими мастерами. В опере — «Кармен». Роман — «Анна Каренина». Песня — «Ландыш»: ландыш — это не просто цветок! То же и в детском жанре... В «Лесу» родилась елочка... Этого не перешкодит никаким Лужникам. Всеми прозревено! Ложись-ка спать, скоро рассвет.

Он ложится и гасит папиреску.

— Соня, — вспоминает он, поворачиваясь на плечо, — боясь ты, — давай заведующим клубов обебено мало писать эти отзывахи на наших птенчиках. А то еще, что добродо, такого накалкидают, что потом гори не обрешесся. Пусть пишут коротко и ясно...

— А как же именно, Сережка? — отмахивается Снегурочка.

— Ты скажи, как мы писать?

— А очень просто — внизу путевки пусть пишут имена этих слов: «Дед Мороз состоялся». И печать. Ну, спи.

— Они спят твердым, скакущим сном. Завтра — сенокос...

Как может проходить «январский сенокос» по мнению художника-комиорца Олега Теслера, смотрите на 4-й странице обложки!

ОДИННАДЦАТЬ ЛУЧШИХ ДЕБЮТАНТОВ

Закончился очередной, тридцатый чемпионат СССР по футболу. В номерах будущего года мы постараемся познакомить читателей «Смены» с лучшими мастерами советского современного футбола, с играми выступлений наших команд во внутрисоюзных и международных соревнованиях. А пока, по традиции, мы завершаем год списком одиннадцати лучших дебютантов большого футбола — самых достойных среди большого отряда новичков, впереди которых стоят команды мастеров в первенстве Советского Союза.

Наш «калиграфический» список публикуется вот уже пять лет подряд. Мы радуемся тому, что многие из молодых футболистов, отмеченные «Сменой» в прошлые годы, стали теперь известными мастерами, даже ветеранами своих клубов и сборных команд страны: Бенишевский, Асанов, Мунтян, Еврюкович, Гершкович, Астанин и многие другие. Надеемся, что и не этот раз «Смена» не ошиблась в своем выборе.

Братарь

Юрий ДЕГТЯРЕВ.

(«Шахтер») Донецк, мастер спорта, 20 лет, сыграл в первенстве СССР 18 матчей. Воспитанник дублирующего состава.

Заштитники

Вадим АСЫПАЕВ.

(«Кайрат») Алма-Ата, мастер спорта, 23 года, 36 матчей, 1 гол. Выступал в 1987 году за «Шахтер» Караганда.

Владимир СМИРНОВ.

(«Динамо») Москва, 21 год, 19 матчей. Выступал за «Кубань» Краснодар.

Владимир СТРЕЛЕЦOV.

(«Шахтер») Донецк, 22 года, 13 матчей. Воспитанник дублирующего состава.

Григорий ЗНЕЦ.

(«Торпедо») Москва, мастер спорта, 20 лет, 36 матчей, 1 гол. Выступал за «Электрон» Кильинск.

Полупащтиники

Виктор ПАЛАЕВ.

(«Спартак») Москва, мастер спорта, 21 год, 30 матчей, 2 гола. Выступал за «Сокол» Саратов.

Мария ПЛАХТЕНО.

(«ЦСКА») Москва, мастер спорта, 23 года, 37 матчей, 3 гола. Выступал за СКА Львов.

Нападающие

Туляев ИСАКОВ.

(«Пахтакор») Ташкент, 19 матчей, 1 гол. Воспитанник дублирующего состава.

Виталий ШЕВЧЕНКО.

(«Нефтехим») Баку, 17 лет, 17 матчей, 1 гол. Воспитанник дублирующего состава.

Владимир ЛАРИН.

(«Динамо») Москва, 20 лет, 20 матчей, 11 голов. Воспитанник дублирующего состава.

Юрий САВЧЕНКО.

(«Торпедо») Москва, 23 года, 27 матчей, 4 гола. Выступал за «Волгу» Калинин.

Редколлегия «Смены» желает дебютантам большого футбола, успехов в учебе, спорте и личной жизни.

Премии «Смены» за 1968 год присуждены:

Анатолию АГАМИРОВУ —	за текст очерка «Оркестр и оркестранты»	[№ 2];
Сергею ПЕТРУХИНУ —	за фото к очерку «Оркестр и оркестранты и обложку	[№№ 2, 15];
Михаилу БАРЫШЕВУ —	за рассказы «Неоконченный рейс» и «Пушкица»	[№№ 12 и 23];
Аркадию ГАЛИНСКОМУ —	за статью «Поло водное или подводное»	[№ 11];
Александру ГОРЛОВСКОМУ —	за статью «Мир истинно прекрасный...»	[№ 21];
Альберту ЛЕХМУСУ —	за фотоочерк «Гвардейская атака с неба»	[№ 18];
Вилю ЛИПАТОВУ —	за рассказ «Чериушка»	[№ 11];
Виталию МОЕВУ —	за статью «Люди и холода»	[№ 3];
Геннадию НОВОЖИЛОВУ —	за рисунки к рассказам	[№№ 6, 13, 14, 17];
Леониду ПЛЕШАКОВУ —	за интервью с Михаилом Ботвинником, Юрием Никулиным и Мариной Влади	[№№ 17, 19, 23];
Владимиру ЦЫБИНУ —	за стихи	[№ 15];

Анатолий
АГАМИРОВ

Сергей
ПЕТРУХИН

Михаил
БАРЫШЕВ

Аркадий
ГАЛИНСКИЙ

Александр
ГОРЛОВСКИЙ

Альберт
ЛЕХМУС

Виль
ЛИПАТОВ

Виталий
МОЕВ

Геннадий
НОВОЖИЛОВ

Леонид
ПЛЕШАКОВ

Владимир
ЦЫБИН

ОТВЕТЫ НА ПЯТЫЙ ТУР

В пятом, заключительном туре олимпиады в Краснодаре приняло участие 1 360 читателей. Приводим краткие биографии победителей на задании этого тура.

Задание. I. 1. №61. Ф: №62. К: №63. Крп2 3. Крп2 СеII. В: №64. С: №65. 3. СеII. II. №66. Дает право на задание: 1. №41. Крп2 5. №42 6. №43. Фав: Крп5 4. ФеII-1. Крп5 3. Фав: Крп5 4. ФеII-1. Крп5 3. Фав: Крп5 4. ФеII-1.

Этап 1. №41— №42. №66. №67. №68. №69. №70. №71. №72. №73. №74. №75. №76. №77. №78. №79. №80. №81. №82. №83. №84. №85. №86. №87. №88. №89. №90. №91. №92. №93. №94. №95. №96. №97. №98. №99. №100. №101. №102. №103. №104. №105. №106. №107. №108. №109. №110. №111. №112. №113. №114. №115. №116. №117. №118. №119. №120. №121. №122. №123. №124. №125. №126. №127. №128. №129. №130. №131. №132. №133. №134. №135. №136. №137. №138. №139. №140. №141. №142. №143. №144. №145. №146. №147. №148. №149. №150. №151. №152. №153. №154. №155. №156. №157. №158. №159. №160. №161. №162. №163. №164. №165. №166. №167. №168. №169. №170. №171. №172. №173. №174. №175. №176. №177. №178. №179. №180. №181. №182. №183. №184. №185. №186. №187. №188. №189. №190. №191. №192. №193. №194. №195. №196. №197. №198. №199. №200. №201. №202. №203. №204. №205. №206. №207. №208. №209. №210. №211. №212. №213. №214. №215. №216. №217. №218. №219. №220. №221. №222. №223. №224. №225. №226. №227. №228. №229. №230. №231. №232. №233. №234. №235. №236. №237. №238. №239. №240. №241. №242. №243. №244. №245. №246. №247. №248. №249. №250. №251. №252. №253. №254. №255. №256. №257. №258. №259. №260. №261. №262. №263. №264. №265. №266. №267. №268. №269. №270. №271. №272. №273. №274. №275. №276. №277. №278. №279. №280. №281. №282. №283. №284. №285. №286. №287. №288. №289. №290. №291. №292. №293. №294. №295. №296. №297. №298. №299. №300. №301. №302. №303. №304. №305. №306. №307. №308. №309. №310. №311. №312. №313. №314. №315. №316. №317. №318. №319. №320. №321. №322. №323. №324. №325. №326. №327. №328. №329. №330. №331. №332. №333. №334. №335. №336. №337. №338. №339. №340. №341. №342. №343. №344. №345. №346. №347. №348. №349. №350. №351. №352. №353. №354. №355. №356. №357. №358. №359. №360. №361. №362. №363. №364. №365. №366. №367. №368. №369. №370. №371. №372. №373. №374. №375. №376. №377. №378. №379. №380. №381. №382. №383. №384. №385. №386. №387. №388. №389. №390. №391. №392. №393. №394. №395. №396. №397. №398. №399. №400. №401. №402. №403. №404. №405. №406. №407. №408. №409. №410. №411. №412. №413. №414. №415. №416. №417. №418. №419. №420. №421. №422. №423. №424. №425. №426. №427. №428. №429. №430. №431. №432. №433. №434. №435. №436. №437. №438. №439. №440. №441. №442. №443. №444. №445. №446. №447. №448. №449. №450. №451. №452. №453. №454. №455. №456. №457. №458. №459. №460. №461. №462. №463. №464. №465. №466. №467. №468. №469. №470. №471. №472. №473. №474. №475. №476. №477. №478. №479. №480. №481. №482. №483. №484. №485. №486. №487. №488. №489. №490. №491. №492. №493. №494. №495. №496. №497. №498. №499. №500. №501. №502. №503. №504. №505. №506. №507. №508. №509. №510. №511. №512. №513. №514. №515. №516. №517. №518. №519. №520. №521. №522. №523. №524. №525. №526. №527. №528. №529. №530. №531. №532. №533. №534. №535. №536. №537. №538. №539. №540. №541. №542. №543. №544. №545. №546. №547. №548. №549. №550. №551. №552. №553. №554. №555. №556. №557. №558. №559. №559. №560. №561. №562. №563. №564. №565. №566. №567. №568. №569. №569. №570. №571. №572. №573. №574. №575. №576. №577. №578. №579. №579. №580. №581. №582. №583. №584. №585. №586. №587. №588. №589. №589. №590. №591. №592. №593. №594. №595. №596. №597. №598. №599. №599. №600. №601. №602. №603. №604. №605. №606. №607. №608. №609. №609. №610. №611. №612. №613. №614. №615. №616. №617. №618. №619. №619. №620. №621. №622. №623. №624. №625. №626. №627. №628. №629. №629. №630. №631. №632. №633. №634. №635. №636. №637. №638. №639. №639. №640. №641. №642. №643. №644. №645. №646. №647. №648. №649. №649. №650. №651. №652. №653. №654. №655. №656. №657. №658. №659. №659. №660. №661. №662. №663. №664. №665. №666. №667. №668. №669. №669. №670. №671. №672. №673. №674. №675. №676. №677. №678. №679. №679. №680. №681. №682. №683. №684. №685. №686. №687. №688. №689. №689. №690. №691. №692. №693. №694. №695. №696. №697. №698. №699. №699. №700. №701. №702. №703. №704. №705. №706. №707. №708. №709. №709. №710. №711. №712. №713. №714. №715. №716. №717. №718. №719. №719. №720. №721. №722. №723. №724. №725. №726. №727. №728. №729. №729. №730. №731. №732. №733. №734. №735. №736. №737. №738. №739. №739. №740. №741. №742. №743. №744. №745. №746. №747. №748. №749. №749. №750. №751. №752. №753. №754. №755. №756. №757. №758. №759. №759. №760. №761. №762. №763. №764. №765. №766. №767. №768. №769. №769. №770. №771. №772. №773. №774. №775. №776. №777. №778. №779. №779. №780. №781. №782. №783. №784. №785. №786. №787. №788. №789. №789. №790. №791. №792. №793. №794. №795. №796. №797. №798. №799. №799. №800. №801. №802. №803. №804. №805. №806. №807. №808. №809. №809. №810. №811. №812. №813. №814. №815. №816. №817. №818. №819. №819. №820. №821. №822. №823. №824. №825. №826. №827. №828. №829. №829. №830. №831. №832. №833. №834. №835. №836. №837. №838. №839. №839. №840. №841. №842. №843. №844. №845. №846. №847. №848. №849. №849. №850. №851. №852. №853. №854. №855. №856. №857. №858. №859. №859. №860. №861. №862. №863. №864. №865. №866. №867. №868. №869. №869. №870. №871. №872. №873. №874. №875. №876. №877. №878. №879. №879. №880. №881. №882. №883. №884. №885. №886. №887. №888. №889. №889. №890. №891. №892. №893. №894. №895. №896. №897. №898. №898. №899. №900. №901. №902. №903. №904. №905. №906. №907. №908. №909. №909. №910. №911. №912. №913. №914. №915. №916. №917. №918. №919. №919. №920. №921. №922. №923. №924. №925. №926. №927. №928. №929. №929. №930. №931. №932. №933. №934. №935. №936. №937. №938. №939. №939. №940. №941. №942. №943. №944. №945. №946. №947. №948. №949. №949. №950. №951. №952. №953. №954. №955. №956. №957. №958. №959. №959. №960. №961. №962. №963. №964. №965. №966. №967. №968. №969. №969. №970. №971. №972. №973. №974. №975. №976. №977. №978. №979. №979. №980. №981. №982. №983. №984. №985. №986. №987. №988. №989. №989. №990. №991. №992. №993. №994. №995. №996. №997. №998. №998. №999. №999. №1000. №1001. №1002. №1003. №1004. №1005. №1006. №1007. №1008. №1009. №1009. №1010. №1011. №1012. №1013. №1014. №1015. №1016. №1017. №1018. №1019. №1019. №1020. №1021. №1022. №1023. №1024. №1025. №1026. №1027. №1028. №1029. №1029. №1030. №1031. №1032. №1033. №1034. №1035. №1036. №1037. №1038. №1039. №1039. №1040. №1041. №1042. №1043. №1044. №1045. №1046. №1047. №1048. №1049. №1049. №1050. №1051. №1052. №1053. №1054. №1055. №1056. №1057. №1058. №1059. №1059. №1060. №1061. №1062. №1063. №1064. №1065. №1066. №1067. №1068. №1069. №1069. №1070. №1071. №1072. №1073. №1074. №1075. №1076. №1077. №1078. №1079. №1079. №1080. №1081. №1082. №1083. №1084. №1085. №1086. №1087. №1088. №1089. №1089. №1090. №1091. №1092. №1093. №1094. №1095. №1096. №1097. №1098. №1098. №1099. №1099. №1100. №1101. №1102. №1103. №1104. №1105. №1106. №1107. №1108. №1109. №1109. №1110. №1111. №1112. №1113. №1114. №1115. №1116. №1117. №1118. №1119. №1119. №1120. №1121. №1122. №1123. №1124. №1125. №1126. №1127. №1128. №1129. №1129. №1130. №1131. №1132. №1133. №1134. №1135. №1136. №1137. №1138. №1139. №1139. №1140. №1141. №1142. №1143. №1144. №1145. №1146. №1147. №1148. №1149. №1149. №1150. №1151. №1152. №1153. №1154. №1155. №1156. №1157. №1158. №1159. №1159. №1160. №1161. №1162. №1163. №1164. №1165. №1166. №1167. №1168. №1169. №1169. №1170. №1171. №1172. №1173. №1174. №1175. №1176. №1177. №1178. №1179. №1179. №1180. №1181. №1182. №1183. №1184. №1185. №1186. №1187. №1188. №1189. №1189. №1190. №1191. №1192. №1193. №1194. №1195. №1196. №1197. №1198. №1198. №1199. №1199. №1200. №1201. №1202. №1203. №1204. №1205. №1206. №1207. №1208. №1209. №1209. №1210. №1211. №1212. №1213. №1214. №1215. №1216. №1217. №1218. №1219. №1219. №1220. №1221. №1222. №1223. №1224. №1225. №1226. №1227. №1228. №1229. №1229. №1230. №1231. №1232. №1233. №1234. №1235. №1236. №1237. №1238. №1239. №1239. №1240. №1241. №1242. №1243. №1244. №1245. №1246. №1247. №1248. №1249. №1249. №1250. №1251. №1252. №1253. №1254. №1255. №1256. №1257. №1258. №1259. №1259. №1260. №1261. №1262. №1263. №1264. №1265. №1266. №1267. №1268. №1269. №1269. №1270. №1271. №1272. №1273. №1274. №1275. №1276. №1277. №1278. №1279. №1279. №1280. №1281. №1282. №1283. №1284. №1285. №1286. №1287. №1288. №1289. №1289. №1290. №1291. №1292. №1293. №1294. №1295. №1296. №1297. №1298. №1298. №1299. №1299. №1300. №1301. №1302. №1303. №1304. №1305. №1306. №1307. №1308. №1309. №1309. №1310. №1311. №1312. №1313. №1314. №1315. №1316. №1317. №1318. №1319. №1319. №1320. №1321. №1322. №1323. №1324. №1325. №1326. №1327. №1328. №1329. №1329. №1330. №1331. №1332. №1333. №1334. №1335. №1336. №1337. №1338. №1339. №1339. №1340. №1341. №1342. №1343. №1344. №1345. №1346. №1347. №1348. №1349. №1349. №1350. №1351. №1352. №1353. №1354. №1355. №1356. №1357. №1358. №1359. №1359. №1360. №1361. №1362. №1363. №1364. №1365. №1366. №1367. №1368. №1369. №1369. №1370. №1371. №1372. №1373. №1374. №1375. №1376. №1377. №1378. №1379. №1379. №1380. №1381. №1382. №1383. №1384. №1385. №1386. №1387. №1388. №1389. №1389. №1390. №1391. №1392. №1393. №1394. №1395. №1396. №1397. №1398. №1398. №1399. №1399. №1400. №1401. №1402. №1403. №1404. №1405. №1406. №1407. №1408. №1409. №1409. №1410. №1411. №1412. №1413. №1414. №1415. №1416. №1417. №1418. №1419. №1419. №1420. №1421. №1422. №1423. №1424. №1425. №1426. №1427. №1428. №1429. №1429. №1430. №1431. №1432. №1433. №1434. №1435. №1436. №1437. №1438. №1439. №1439. №1440. №1441. №1442. №1443. №1444. №1445. №1446. №1447. №1448. №1449. №1449. №1450. №1451. №1452. №1453. №1454. №1455. №1456. №1457. №1458. №1459. №1459. №1460. №1461. №1462. №1463. №1464. №1465. №1466. №1467. №1468. №1469. №1469. №1470. №1471. №1472. №1473. №1474. №1475. №1476. №1477. №1478. №1479. №1479. №1480. №1481. №1482. №1483. №1484. №1485. №1486. №1487. №1488. №1489. №1489. №1490. №1491. №1492. №1493. №1494. №1495. №1496. №1497. №1498. №1498. №1499. №1499. №1500. №1501. №1502. №1503. №1504. №1505. №1506. №1507. №1508. №1509. №1509. №1510. №1511. №1512. №1513. №1514. №1515. №1516. №1517. №1518. №1519. №1519. №1520. №1521. №1522. №1523. №1524. №1525. №1526. №1527. №1528. №1529. №1529. №1530. №1531. №1532. №1533. №1534. №1535. №1536. №1537. №1538. №1539. №1539. №1540. №1541. №1542. №1543. №1544. №1545. №1546. №1547. №1548. №1549. №1549. №1550. №1551. №1552. №1553. №1554. №1555. №1556. №1557. №1558. №1559. №1559. №1560. №1561. №1562. №1563. №1564. №1565. №1566. №1567. №1568. №1569. №1569. №1570. №1571. №1572. №1573. №1574. №1575. №1576. №1577. №1578. №1579. №1579. №1580. №1581. №1582. №1583. №1584. №1585. №1586. №1587. №1588. №1589. №1589. №1590. №1591. №1592. №1593. №1594. №1595. №1596. №1597. №1598. №1598. №1599. №1599. №1600. №1601. №1602. №1603. №1604. №1605. №1606. №1607. №1608. №1609. №1609. №1610. №1611. №1612. №1613. №1614. №1615. №1616. №1617. №1618. №1619. №1619. №1620. №1621. №1622. №1623. №1624. №1625. №1626. №1627. №1628. №1629. №1629. №1630. №1631. №1632. №1633. №1634. №1635. №1636. №1637. №1638. №1639. №1639. №1640. №1641. №1642. №1643. №1644. №1645. №1646. №1647. №1648. №1649. №1649. №1650. №1651. №1652. №1653. №1654. №1655. №1656. №1657. №1658. №1659. №1659. №1660. №1661. №1662. №1663. №1664. №1665. №1666. №1667. №1668. №1669. №1669. №1670. №1671. №1672. №1673. №1674. №1675. №1676. №1677. №1678. №1679. №1679. №1680. №1681. №1682. №1683. №1684. №1685. №1686. №1687. №1688. №1689. №1689. №1690. №1691. №1692. №1693. №1694. №1695. №1696. №1697. №1698. №1698. №1699. №1699. №1700. №1701. №1702. №1703. №1704. №1705. №1706. №1707. №1708. №1709. №1709. №1710. №1711. №1712. №1713. №1714. №1715. №1716. №1717. №1718. №1719. №1719. №1720. №1721. №1722. №1723. №1724. №1725. №1726. №1727. №1728. №1729. №1729. №1730. №1731. №1732. №1733. №1734. №1735. №1736. №1737. №1738. №1739. №1739. №1740. №1741. №1742. №1743. №1744. №1745. №1746. №1747. №1748. №1749. №1749. №1750. №1751. №1752. №1753. №1754. №1755. №1756. №1757. №1758. №1759. №1759. №1760. №1761. №1762. №1763. №1764. №1765. №1766. №1767. №1768. №1769. №1769. №1770. №1771. №1772. №1773. №1774. №1775. №1776. №1777. №1778. №1779. №1779. №1780. №1781. №1782. №1783. №1784. №1785. №1786. №1787. №1788. №1789. №1789. №1790. №1791. №1792. №17

— РОДИТЕЛЯМ СКАЖЕШЬ, ПРИХОДИЛ
ДЕД МОРОЗ, ЗА ПАРДАКАМИ.

Рисунок И. ВОРОБЬЕВА

Рисунок
В. ПЕСКОВА

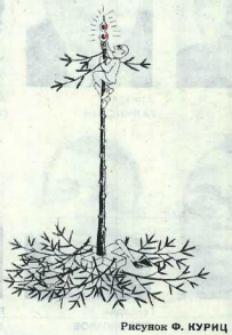

Рисунок Ф. КУРИЦ

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

Первая страница обложки: народный артист СССР А. И. РАЙКИН в миниатюре «Диссертация». [Об Ариадин Райкине читайте на 20—21-й страницах.]

Фото М. МУРАЗОВА

И. о. главного редактора А. Д. ГОЛУБЕВ.

Редколлегия: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замошкин, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов (ответственный секретарь), Е. И. Рыбников, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

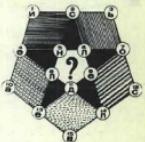
НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Для спросов о подписке — 251-30-87; для рекламы, литературы и искусства — 251-32-48; очечников, губзапечаток — 251-03-51; макетирования — 251-30-50; для физкультуры и спорта — 253-31-50; писем — 253-30-47; науки и техники — 251-04-10; фотосети и репортажа — 253-30-97; информации — 253-31-03; оформления — 250-29-39.

5 НА РАЗ МЫШТЕ НИЕ

2. «МАГИЧЕСКАЯ ЗВЕЗДА»

В этом пятиугольнике со звездой надо все пунктирные с буквами и цифрами переставить между собой так, чтобы суммы по всем линиям были разны следующим пятью условиями:

1. Данную фигуру пятью прямыми линиями разделять на шесть, погорно развернув по часовой стрелке, а затем склонить их так, чтобы получились три треугольника и круж.

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ
«СМЕНА» № 23

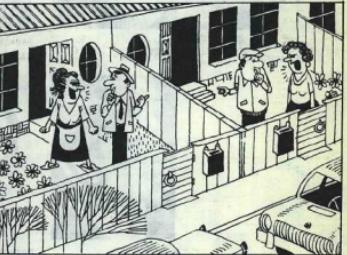
2. Данную фигуру пятью прямыми линиями, составляющими внутренний угол, была разана 34.

В кончике каждого из трех угольников, составляющих звезду, равнялась от 12 до 18.

3. Сумма цифр маленькой пятиугольничка, составляющей внутренний угол, равнялась от 20 до 24.

4. Если при выполнении этих условий кружочки будут расставлены правильно, то по соответствующим линиям в кружочках стоящим слева направо можно прочитать пословицу.

Нанеси эту пословицу и как надо расставить кружки?

Найдите десять различий между этими рисунками.

Рисунок В. БЛАНКМНА

Художник-оформитель В. Соколов. Технический редактор Н. Будина.
А 00220. Сдано в набор 8/XI 1968 г. Подписано к печати 27/XI 1968 г.
Формат бум. 70 × 105^{1/2}. Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 100 000. Изд. № 2238. Заказ 3213.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

КОЛЕСО

Слова
Алексея ЗАУРИХА

Музыка
Леонида ПЕЧНИКОВА

Провода слегка колеблются и бегут, бегут в зарю...
и вот тепло троллейбуса «А» спешит к зорьке.
Я приехал на сдвигание, точно в срок, без опоздания.
Ехал к милой, как во сне...
И сказал водителю мне...

Жил такой чудак-человек, мир его не помнит в лицо, — он в забытый век — давний век — взят из избранной колесо! Нес исполнительницей! Едем мы, скрипка веселая. И коляски едут с детьми, и в коляске едет Земля!

Нас с тобой несут, хорошая, самолеты, поезда. Колея лежит дорожки, и сверкают города. Амчится амич роща-просека... Ты крутись, крутись, колеско! С нами амич плавает вся, по Вселенской колесе!

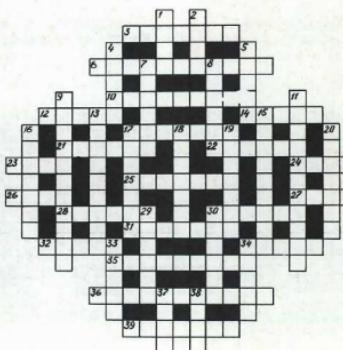
Жил такой чудак-человек... и т. д.
Ты спешишь с дорогой встретиться, с другом встретиться спешь... И плывешь нам, и едешь, и лежишь от души спешь... По тебе спешит будет вскорости одеяло, чтобы спешить... Эй, раздрайся, небеса, перед спешой колесо!

Жил не эра чудак-человек, и, его не помни в лицо, ради мы, что в тот давний век избрал он вдруг колесо. Нас теперь поймай-догони! Едем мы, скрипка веселая. И коляски едут с детьми, и в коляске едет Земля...
Как в коляске, едет Земля...

Составил
М. АЛЬХУМАТОВ,
Андижанская обл.,
Узбекской ССР

Произведение напечатано
в журнале «Авангард», № 10, 1972 г.
Лауреат международной
Ленинской премии «За укрепление дружбы народов», 1971 г.
«Дорогами», 14. Цветок, 17. Лед-
ник на Кавказе, 21. Живот-
ное в Африке, 22. Монументальный до-
гонтаж, 24. Девушка на фоне гор, 25.
Часть рыболовной сна-
сти, 26. Денежная единица Ирана, 27. Девушка на фоне гор, 28.
Путь, движение, планеты, спутники, 30. Сельскохозяй-
ственное производство, 31. Гора, смо-
тое при сне, 31. Город в
Горьковской области, 32.

К Р О С С С В О Р Д

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали:

- Роман Ф. Гладкова. 6. Наука о землемерии. 10. Альтернатива. 12. Киргизский писатель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление дружбы народов», 14. Цветок, 17. Ледник на Кавказе, 21. Животное в Африке, 22. Монументальный догонтаж, 24. Девушка на фоне гор, 25. Часть рыболовной снасти, 26. Денежная единица Ирана, 27. Девушка на фоне гор, 28. Путь, движение, планеты, спутники, 30. Сельскохозяйственное производство, 31. Гора, смотримо при сне, 31. Город в Горьковской области, 32.

По вертикали:

- Проживание, инженерное мастерство, 34. Авангардное поколение, 35. Сорт яблок, 36. Город в Башкирии, 39. Марка советского легкового автомобиля.
- Вертепные: 1. Приток Десны, 2. Геометрическая фигура, 4. Пущиной зверек, 5. Хвойное дерево, 6. Красивый пейзаж, 8. Штат в США, 9. Промышленная рыбка, 11. Справочник для изучения языка, 12. Самый высокий аэропорт, 15. Советский ледокол, 16. Оперы Н. Ингара, 17. Красивый пейзаж, 18. Вид черноморского дельфина, 19. Скульптор, народный художник СССР, 20. Советский кинорежиссер, 29. Самая яркая звезда в созвездии Стрельца, 30. Самое большое собрание рабочих в добровольческой России, 32. Красивый пейзаж, 33. Чайковского «Молитва», 34. Одна из стран света, 37. Низкотенденциональная форма, 38. Самая новая социальная экономическая советская республика.
- Стадион, 5. Сибирец, 8. Маршал, 9. «Кайрат», 8. Помощник Альберта, 13. Вербичина, 14. Карапитян, 15. Австралия, 17. Альбомера, 19. Стадион, 21. Дорога, 21. Залот, 22. Ареена, 23. Силистра, 30. «Космос», 31. Селигер, 32. Стадион, 33. Вильям, 34. Радамес, 35. «Жизель», 37. Обиник, 38. Суданка.

АНДРЕЙСКИЙ БЕЗ КОКОШКИ

О героях этой истории читайте рассказ В. ДРАГУНСКОГО на стр. 30.

Конец